

Александр
Асмолов

АРКАН

электронная книга

Детективы Александра Асмолова

Александр АСМОЛОВ

Аркан

«Александр Асмолов»

2011

Асмолов А. Г.

Аркан / А. Г. Асмолов — «Александр Асмолов»,
2011 — (Детективы Александра Асмолова)

ISBN 978-5-91775-069-9

В названии детектива кроется основная линия сюжета, стягивающаяся безжалостным арканом вокруг убийц восходящей звезды российского спорта. Цель главного героя – месть. Яркие женские образы и мистические видения, окружающие героя на его непростом пути, помогают в достижении задуманного. Волей случая в его руках оказывается золото китайских триад, за которым гоняются доморощенные бандиты. Интрига, основанная на реальных событиях, будет интересна любителям детектива и не оставит равнодушным самый широкий круг читателей.

ISBN 978-5-91775-069-9

© Асмолов А. Г., 2011
© Александр Асмолов, 2011

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	16
Глава V	19
Глава VI	22
Глава VII	26
Глава VIII	29
Глава IX	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Асмолов

Аркан

*События и лица, положенные в основу сюжета, изменены.
Все совпадения случайны.*

Глава I

Его разбудила ночная гроза. Шум дождя и редкие удары грома неподалеку, отзывавшиеся странным эхом, показались непривычными. Отсутствие знакомых стонов и храпа встревожило и прогнало остатки сна. Он не ощущал никого рядом, и этот запах... Это был не запах тюрьмы. Дышалось легко, даже с удовольствием. Боясь спугнуть какое-то сладостное состояние, он медленно и настороженно потянул носом, вбирая глубоко в себя влажный прохладный воздух. Не было привычного запаха нар, параша и того вечного страха, которым пропитаны обитатели казенных домов. Попавший в тюрьму с воли впервые долго и мучительно привыкает к законам зоны, стараясь выжить и не скурвиться, но к запаху тюрьмы привыкнуть трудно. Особенно по ночам, когда еще сняты вольные сны и руки тянутся к женщине или чему-то из прошлой жизни, а пальцы натываются лишь на липкий тюремный воздух, пропитанный тяжелым запахом ненависти и страха. Постепенно этот запах заполняет и новичка, проникая в каждую клеточку тела и потаенные уголки сознания. Человек становится зэком, переламявая свою личность о жесткие понятия зоны.

С каждым вдохом мужчина убеждался, что спал он не на нарах. Чтобы не встревожить окутавшее сладостное ощущение, он даже не стал открывать глаза и отдался своему обонянию. Подушка и простыни были чужими, да и все рядом не принадлежало тюрьме. Самые обычные ощущения на воле вдруг обостряются у тех, кто попал в зону. Чувство опасности, постоянно окружающее новичка, заставляет его быстро приспосабливаться. Боковое зрение, бегающие зрачки, острый слух, интуиция – все, что он редко напрягал или даже не использовал за ненадобностью прежде, задействуются максимально. Страх постоянной угрозы изводит поначалу. Блатные, прошедшие процесс обращения в зэка в свою первую ходку, быстро перекидываются, словно оборотни в полнолуние. У новичков ломка идет тяжело и долго. Только сильные волей сохраняют личность, умело пряча ее за самой мощной психологической стеной. Ни раскаяние, ни покорность, ни коварство, ни страх, ни любовь не могут противостоять жестким понятиям зоны. Только Месть. С большой буквы. Это единственное чувство способно постоянно подпитывать энергией личность. Прятать ее за маской безразличия, которая вырастает перед внешней агрессией, словно крепостная стена. Причем, такой толщины и высоты, сколько потребуется, чтобы не сломаться.

Вот и сейчас, в темноте, мужчина сосредоточил все свое внимание на окружающем, но никого не почувствовал. А так быть не могло, кто-то должен был подкрадываться сзади. Страх диктовал свои условия. Усилием воли мужчина заставил окаменевшие от напряжения мышцы расслабиться. Опытный боец тем и отличается от наглого юнца, что никогда не демонстрирует рельефные мускулы перед атакой, не играет бицепсами и не орет на противника. Он даже взгляд свой заставляет «погаснуть». Энергию нужно сосредоточить и сберечь для взрыва, иначе весь пар уйдет в свисток.

Однако тот, кто подкрадывался сзади, ничем себя не выдавал, и это было очень опасно. Мужчина не выдержал. Следом за блеснувшей молнией он, вместе с обрушившимся громом, в едином движении вскочил и развернулся в боевой стойке, уходя чуть в сторону, чтобы пропустить возможную атаку сзади. Ничего не произошло. Только стопы ощутили не холод выщерб-

ленных досок пола в камере, а что-то гладкое... Паркет! Он был на воле. Сердце еще колотилось, но чувство опасности медленно покидало сознание.

– Да-а, Аркадий Михалыч, – мысленно упрекнул себя мужчина. – Шалют нервишки-то. Шалют-ят... Мы не в зоне, дорогой. Мы на воле.

Последнее слово он с трудом выдал из себя. Нараспев, растягивая «о», словно учился говорить. Это желанное слово так долго рвалось наружу, что теперь он с трудом выговаривал его. Пришлось повторить, прислушиваясь, как это получилось. А получалось очень неуверенно. Запрет, наложенный им самим когда-то на все, что касалось воли, словно закатье, охранял эту область памяти от прикосновений любой мысли. И эти оковы были крепки до сих пор. Иначе выжить было бы невозможно. Он видел там как здоровенные мужики впадали в истерику и бились головой о дверь камеры, умоляя вертухаев выпустить. Жажда воли ломала многих. Воспоминания о доме, о любых его мелочах, расслабляли и делали беззащитным. Вот тут-то и просыпались в камере те, кто умел подпитывать себя чужой слабостью. Кто издевался, подгоняя истерику на новые витки, или молча наблюдая и с презрением возвеличиваясь. Каждый, как мог, карабкался на незримую пирамиду взаимоотношений, выстроенных смотрящим в хате по принятым, словно закон, понятиям.

Мужчина медленно провел рукой по лицу ото лба к подбородку, словно смахивая воду, но делал это осторожно, боясь вспугнуть видение. Предосторожности и проверки вошли в привычку. Все время быть начеку, контролировать окружающий пятак, особенно спину. Ведь подлянка среди слабых и завистников первое оружие. Они способны месяцами выжидать и шифроваться, чтобы нанести свой коварный удар. Унизить, уничтожить, подчинить. Карабкаться на верхушку тюремной пирамиды можно, только наступив и растоптав чужую душу. Даже кровь не дает такой власти, как страх, ибо на убийство идут, когда не могут сломать духовно. Конвоиры на этапе или охрана при разборках в зоне точно также используют кованые ботинки и дубинки для острастки, а не при необходимости. Страх давит на плечи. От него ломит в затылке. Если йоги или экстрасенсы говорят, что стремятся открыть третий глаз, указывая пальцем на середину лба, эки открывают его на темечке.

– Аркадий Михалыч, – опять мысленно обратился к себе мужчина, – а не закурить ли нам?

– Отчего же, – ответило его второе я. – «Парламент» ждет!

Он любил сигареты с таким названием еще до зоны. В той жизни, что осталась в дальних воспоминаниях, отрезанных, в полном смысле этого слова, от всего настоящего. Поэтому обращался с этим словом бережно, произносил многозначительно, словно это на самом деле было собрание джентльменов в черных или красных мантиях, готовящихся произносить и слушать мудрые речи. Те редкие минуты, когда выпадал случай покурить «Парламент» в зоне, он воображал себя одним из членов палаты лордов, участвующих в дебатах. Его бурная фантазия с легкостью могла перенести эка на берега Темзы, как XIII века, когда только начинались заседания английского парламента в Вестминстерском замке, так и XIX века, когда в 1840 году был отстроен одноименный дворец с башней знаменитого Биг Бена, где ведет свою нелегкую борьбу за демократию Парламент Соединенного Королевства. Авторитеты на зоне позволяли фраеру позабавить братву рассказами о парламенте, обычно сводившимися к сравнениям с отечественными парламентариями в столичной Думе, которые спешили рядиться в соответствующие одежды, не умея ни говорить, ни писать грамотно. Изображения известных политиков были точно подмечены тюремным пародистом и мастерски исполнены с соответствующей сигаретой в тонких пальцах. Именно поэтому редкие посылки с воли, которые проходили множество ревизий и реквизиций, все же доставляли в зону «Парламент». Разрешал хозяин и не возражал пахан.

Мужчина осмотрелся. Комнатка в съемной квартире была незнакомой. Судя по тишине за окнами, было далеко за полночь. Порыв ветра вздыбил пузырем занавеску, наполняя малога-

баритку свежим ночным воздухом. Цепляясь в темноте за что-то, жилец взял со стола сигареты и зажигалку. Жаль, сейчас не было под рукой любимой Zippo. Ему очень нравился звук откидываемой крышки этих зажигалок. С времен великой депрессии американцы делают Zippo, не меняя технологии. Всегда бензиновые и всегда срабатывающие на ветру, эти зажигалки не гаснут. словно стойкие оловянные солдатики, они добросовестно делают свое дело. Куда там Ronson с его элегантным дизайном! Только у Zippo есть свой голос. запатентованный и бережно хранимый из поколения в поколение. Этим можно гордиться.

Летняя гроза уже бушевала в соседнем районе, а тут было тихо и прохладно. Свежесть после короткого ливня была приятной. Он глубоко затянулся, прикрыв от удовольствия глаза. Гурманы любят пить крепкий кофе с холодной водой или есть сочное мясо с кровью, нашинкованное чесноком, но это ничто по сравнению с хорошей сигаретой в прохладе. Все познается в сравнении, говаривали древние и были абсолютно правы. Переход любой грани позволяет взглянуть на проблему с другой точки зрения, то есть сравнить. И чем солиднее грань, тем точнее вывод. Размышляя так, мужчина почувствовал, что все равно не заснет сейчас, а, значит, пришло время поговорить. Последние годы он часто общался сам с собой. Придуманная в камере забава спасала от одиночества. В нем жили двое – Аркадий Михалыч и Аркан. Это погоняло неожиданно быстро прилипло к фраеру в первый же день, едва он вошел в хату.

Согласно понятиям зоны, шестерка в камере начал проверку на вшивость вошедшего со скатанным матрасом фраерка. Положение спасла врожденная способность анализировать. Новичок не стал вызывающе вести себя, не заискивал, не поднял брошенное полотенце, не стал долбить кулаками нарисованного на стене тигра, доказывая свою бесшабашность и прочее. На вопросы отвечал коротко, будто на допросе у следака, не пытался материться или говорить высокопарно. Назвался Арканом, хотя клички отродясь не было. Когда же шестерка усомнился в том, что погоняло его, фраерок рванул чью-то висящую рядом рубаху и круговым движением, как аркан, набросил на шею шестерки. Тот и пикнуть не успел от затянувшейся петли, а уже летел от мощного рывка на пол. Новоиспеченный Аркан наступил ему на грудь и стал хладнокровно душиить, глядя прямо в глаза противнику. На него прикрикнули, и он отпустил рубаху, спокойно отойдя в сторону, словно ничего и не было. Шестерка сидел на полу и долго кашлял, держась за шею, всем своим видом взывая к справедливому возмездию, но никто не вступился. Очевидно, тюремный телеграф исправно работал, разнося по хатам новости о новичках. Убийство, пусть и неумышленное, в этих местах уважали. Так Аркадий Михайлович Данов, недавно шумно отпраздновавший с друзьями в столичном кабаке свой «четвертак», стал Арканом...

Теперь ему двадцать девять. Он медленно и мучительно старается забыть четыре последних года, но зона не отпускает. Их разделяют тысячи километров. Нет каких-то незримых нитей или обязательств. Она просто еще живет в нем. Впрочем, два месяца на воле – срок небольшой.

– О каком сроке вы говорите, милейший? – мысленно прервал его рассуждения внутренний голос Аркадия Михалыча. – Аккуратней со словами. Срок может стать Сроком. Причем, вторым. За побег мало не добавят.

– Мы же условились, братан, – так же мысленно возразил Аркан, – никакой фени, никакой зоны. Все осталось далеко-далеко. За высокими горами, за глубокими снегами, и было все понарошку. Я теперь законопослушный гражданин. Разве что, документы липовые. Но кто будет разглядывать фото на потертом паспорте, принадлежащем молодому симпатичному мужчине с интеллигентной внешностью. Невооруженным глазом видно, что мальчик из хорошей семьи. Ну, возмужал после школы, но глаза очень похожи, можно сказать, все те же. Так что присматриваться и сравнивать мое лицо с фотографией на потертом документе никому не придет в голову. Эти нынешние бизнесмены почти не ходят пешком, тем более, около вокзалов, где у приезжих проверяют документы. Они ездят на хороших машинах, одной рукою придерживая, словно приросший к уху мобильник. Если их и останавливают, то только полицей-

ские, с которыми можно договориться, так что нет надобности в усах или трехдневной щетине, чтобы маскироваться... Вы не согласны, коллега? Тогда – «Парламент».

– Слушай, а чего ты в Арканы полез? – не унимался внутренний голос Аркадия Михалыча. – Был бы себе Парламентом. Тоже неплохо звучит.

– Вырвалось как-то...

– Ой, ли, дружок! Ведь был в Косово душегуб, приговоренный судами нескольких европейских государств к разным срокам за свои темные дела. Сказывали, что все сходило ему с рук из-за того, что он был агентом спецслужб и бандитом одновременно.

– Возможно. Я много читал... – Аркан поперхнулся дымом. – Читаю... Вообще люблю историю. Чего там только не встретишь...

– Ну, это на зоне у тебя было много времени, – съязвил Аркадий Михалыч. – Тут на хлебушек с маслом горбатиться придется, да и таких библиотек нет. Покупать книжки надобно.

– Не бойсь! Кое-что имеем...

– А в профессии, знаете ли, за четыре года техника обновилась! Софта сколько написали...

– Наверстаем... – струйка дыма медленно исчезла в темноте. – Голову мы берегли, под дубинки не подставляли, марафетом не кололись и дурь не курили. Так что, зря ты так... А того гада мы отыщем. Непременно отыщем. Я Светке обещал!

Он аккуратно загасил окурок в пепельнице. На балконе становилось прохладно. Босиком, с накинутым на бедра полотенцем, мужчина выделялся бледной кожей на фоне темнеющего дверного проема. В соседних домах свет горел в редких окнах. В основном это были ночники. Скорее всего, в комнатах, где не спалось детям или старикам. По пустынным улицам лихо проносились шальные такси и редкие мотоциклы. Кто-то работал, а кто-то использовал шанс прокатиться с ветерком по спящей столице, которая через несколько часов забурлит, заполняя тысячами и тысячами машин не только проспекты и шоссе, но даже маленькие улочки и тупики в центре, которые отродясь не знали суеты.

Глава II

Утренний сон всегда самый сладкий. Усталость, накопленная за день, исчезает, тяжелые думы уже все передуманы, а легкий ветерок приятно холодит лицо, навевая безмятежные воспоминания. Так было и на этот раз. Далекие школьные годы в портовом городе Новороссийске всплывали издалека, обдавая солеными брызгами моря и запахом кубанских помидоров, которые детвора, неотягощенная заботами в летние каникулы, впитывала в себя безмерно. Аркаша с друзьями целыми днями пропадал на море. В стране началась перестройка, а он пошел в школу. Жили небогато, и полбулки серого хлеба – это все, что он мог прихватить тогда из дома на целый день. Родители старались хоть что-то заработать и купить в той неразберихе, что царила вокруг, предоставляя своим чадам свободу выбора.

И свобода была. Собравшись гурьбой в человек пятнадцать, они до одури купались на диких пляжах, обносили местные огороды и сады, а ближе к осени – и виноградники. Загорелые, как кочегары, шустрые, как ящерицы, и бесстрашные от полнейшей безнаказанности, они играли в благородных пиратов и разбойников. Старшеклассники уже приторговывали заграничными шмотками, которые моряки привозили из-за кордона, а мелюзге еще ничего не доверяли, поэтому они жили по своему усмотрению.

Ловили рубашками креветок, крабов на мелководье и драли мидии на сваях всевозможных мостов. Все это жарилось в углях костров, которые давно перестали быть пионерскими. Никто их взрослых не замечал, как подрастало новое поколение, до которого никому не было дела. У них формировались свои взгляды, далекие от общечеловеческих ценностей. Гурьбой было нестрашно обшарить карманы уснувшего на остановке пьяного мужика или стянуть сумочку у разомлевшей под горячим солнцем дамы. В десять лет у них появились свои деньги, заработанные отнюдь не на овощебазах, разгрузке вагонов или колхозных полях. Дожди еще не смыли с заборов, стен и крыш зданий коммунистические лозунги, призывавшие граждан к борьбе за светлое будущее всего человечества, а они уже мечтали совсем об ином.

Однако назвать их малолетними преступниками никто бы не смог. Общество их попросту вычеркнуло и не хотело замечать. Возможно, именно поэтому грязь не прилипала к мятежным душам. Особенно в летние каникулы они жили по своим законам дворового братства. Ценилась отвага и безрассудство, дружба и верность данному слову, умение делать что-то лучше других.

Арик из пятидесяти третьей квартиры больше всего любил нырять в глубину. Черное море бывает коварно, шторма баламутят и без того некристально прозрачную воду, но это никогда не пугало пацана. Достать на спор что-то со дна было его настоящим призванием. По вечерам он частенько слонялся на пассажирском пирсе, примечая, что и где уронят зазевавшиеся отпускники. На следующее утро он нырял, точно зная, что и где искать. Монеты, зажигалки, ключи и даже часы были его постоянной добычей. Ранним утром он прочесывал с друзьями пляжи. Все на берегу, а он всегда с маской в воде. Попадались и крестики, и цепочки, иногда – колечки.

Арик считался самым удачливым потому, что редкий день у него проходил без находки. Все собранное шло в общий котел и реализовывалось у местных барыг. Когда же и ему не везло, дворовая команда забавлялась тем, что шла на городской пляж, где былолюдно, а вода просто грязной от обилия тел, желающих не только позагорать, но и хорошо закусить. Разомлевшие на солнце отдыхающие закапывали бутылки с напитками в камушки у кромки воды. Набегавшие морские волны компенсировали отсутствие холодильников, и выбор бутылок, чьи горлышки торчали из воды, словно специально для пацанов, всегда радовал. Появившиеся в то время кооперативные палатки были островками изобилия, казавшиеся изголодавшим гражданам пределом мечтаний. Отпускники баловали себя по дороге на пляж, где их поджидали целые армии разноцветных наклеек за витринами вездесущих ларьков. Однако, стоило кому-то из отдыхающих пристроить в воду бутылку, команда играющих в воде пацанов

начинала медленно приближаться к этому месту. Среди суеты, пены и брызг у берега было трудно заметить руку, метнувшую аркан из лески. Лучше всех это делал Арик. Стоило ему заарканить приглянувшееся горлышко, как игра в воде приобретала вид стихийного бедствия, а бутылка медленно сползала из своего убежища к новому владельцу. Редко попадались бдительные отпускники, успевшие заподозрить подвох и увидеть «нырок» бутылки, но поймать за руку того, кто тянул леску, не удавалось никому.

Впрочем, это считалось грязной работой. Справедливой была добыча с глубины, где блестящий среди камней или травы предмет не имел хозяина. Особенно, если глубина была метров двадцать. Даже старшекласникам, нырявшим в больших ластах, не хватало дыхания. Да и уши внизу пронзала невыносимая боль. Тогда достать заветную вещицу мог только он. Особенно на спор.

Сегодня Арику снился именно такой сон. Далеко в глубине что-то поблескивает в лучах солнца, уходящих вниз затухающим конусом. Он делает плавные гребки руками, чтобы экономить воздух, и толкается ногами, как лягушонок. Ниже и ниже. Горло перехватывает удушье, перепонки в ушах трещат от невыносимого давления, а он опускается все глубже. Чтобы отвлечься от желания повернуть назад, нужно петь. У него есть несколько баллад о рыцарях, и это всегда помогает. Никого нет рядом, и можно громко мычать, не стесняясь, что кто-то услышит. Слова звучат в голове, а мелодию он старательно выводит, подвывая себе при каждом гребке. Никакого страха или паники. Спокойная методичная работа. Тяжелая, но не запрещенная. И всякий раз ему удается убедить себя, что он сможет.

Вот и сейчас горло сдавило невидимой удавкой, и жилы на худенькой шее ныряльщика набухли так, что вот-вот полопаются. В голове гудит, но он «перепоеет» эту навалившуюся тяжесть. Баллада о храбром рыцаре сильнее страха и боли. Наконец руки касаются камней на дне, на одном из которых блестит кругляшок. Когда ныряешь без маски, глаза в морской воде различают только расплывчатые контуры предметов, словно у тебя зрение минус пять. Ухватившись за большой камень, чтобы давление не выбрасывало вверх, можно замереть без движения и разглядеть находку. В голове стучит одна мысль, скорее наверх, чтобы вдохнуть, но мелодия о рыцаре сильнее. Ему, наконец, удастся понять по чеканке, что это решка. На удачу. Тогда монетка отправляется за щеку, и начинается подъем. Сгруппировавшись, он переворачивается и сильно отталкивается ногами ото дна. Вытянутое, словно торпеда, стройное тело набирает скорость, разрезая плотную воду. С каждой секундой чувствуется необычайная легкость, даже восторг. Этот кайф ныряльщику заменяет многое. Так хочется продлить короткие мгновения победы. Ощущение сладости переполняет тело, несмотря на жажду как можно быстрее вдохнуть. Не всякий организм так реагирует на глубокие погружения и кислородное голодание, но те счастливицы, кто рожден ныряльщиком, продолжают погружаться всю жизнь. Это сродни странным увлечениям, которые манят покорять заснеженные пики, сплавляться по мощным рекам или спускаться в многокилометровые пещеры старых гор.

Одновременно с первым вдохом свежего морского воздуха на поверхности Арик просыпается. Ему еще кажется, что он ощущает ласковые волны, но действительность вытесняет остатки сна. Дышится легко и ровно, только сердце еще работает в замедленном темпе, словно он на самом деле погружался на большую глубину. Там все иначе.

- Ты опять нырял? – неожиданно звучит в голове знакомый женский голос.
- Да, – мысленно отвечает Арик, прикрыв глаза, чтобы сосредоточиться.
- Надеюсь, на этот раз не так глубоко? – судя по интонации, она улыбается.
- Нет. За монеткой.
- Ту, что доставал на спор с мола?
- Слушай, неужели я такой болтун, что уже все тебе рассказал!

Он знает, что никто, кроме него, не слышит этот разговор, но это давно не пугает. Наоборот. Четыре года там, на зоне, его спасал голос девушки, которую он только собирался

полюбить, да так и не успел. Поначалу Арик воспринимал ее голос, как наваждение, галлюцинации, но постепенно привык. Когда голос возникал в сознании, они начинали говорить обо всем, что только приходило на ум. За это время он так много узнал о ней, словно они прожили вместе эти четыре года.

Теперь он затаился в Москве, хотя и на воле. Его душа желала большего. Каждое утро Аркан спрашивал себя, неужели это все, о чем он так долго мечтал в ненавистной камере. Четыре года ему казалось великим счастьем сама возможность просто пройти по знакомым улицам. Он даже вспоминал их до мельчайших подробностей – ямок на асфальте, царапин и надписей на стенах домов. Теперь все не так. Подавшись в бега, он оказался на воле, но тосковал по ее голосу. Она была всем для зэка, целым миром – интересным собеседником, верным другом, девушкой, в которую он мог влюбляться. Поначалу он испугался, анализируя свои видения – не поехала ли крыша у парнишки. Иногда ее образ в сознании казался ангелом. Нет, без крыльев, белых одежд и прочей ерунды – просто чистым совершенством.

Он хотел опять быть с ней. Теперь все вернулось?

– Хочешь убедить меня в том, что тебе уже не интересно заглядывать девчонкам в декольте и провожать взглядом хорошенькие фигурки? – неожиданно усмехнулась она. – В Москве есть на что посмотреть.

– Нет, в голубого я не перекрасился. Хотя с некоторыми это случается на зоне... А где ты пропадала?

– Тебе было просто не до меня. Даже с Аркадием Михалычем редко общался. Знаю, что о последних двух месяцах на воле хочешь забыть, поэтому не будем их касаться. И даже той вдовушки, у которой заночевал по дороге, да так и остался на неделю.

– Ты подслушивала чьи-то сплетни? – попробовал пошутить бывший зэк.

– Нет. Она ходила в салон к ведьмочке и хотела тебя приворожить. Денег дала немеряно.

– Слушай, а ты раньше так не говорила.

– С кем поведешься...

– Извини. Я очень рад тебя слышать. Поэтому несу всякую чушь. У блатных так принято. За базаром скрывать суть. Иногда серьезные терки со стороны выглядят нелепо.

Голос не ответил, словно не расслышал последней фразы.

– Я хочу забыть зону, – искренне сказал бывший зэк. – Вычеркнуть все из памяти. Начать все заново. Понимаешь?

Она не отвечала, словно решалась на что-то. Потом неожиданно спросила:

– И меня забыть хочешь?

– Нет-нет! – вскрикнул Арик во весь голос и рывком сел в кровати. – Я неверно выразился. Прости, пожалуйста...

Но продолжения разговора не последовало. Как он ни напрягал воображение, ни задавал вопросы в пустоту, голос больше не звучал в его сознании. На душе стало так погано, что мужчина заспешил к холодильнику, где стояла непочатая бутылка «Смирновской». Отыскав засохший сыр и скукоженные огурцы, он примостился за столиком на кухне и в одиночестве выпил водку.

Стало еще хуже, когда вспомнились слова одного опытного сокамерника. Матерый рецидивист говорил именно об этом. У всех, кто вырывается из зоны, проявляется странный синдром. Опьянение свободой быстро проходит, и появляется страх, как жить дальше. Мир изменился за то время, что ты мотал срок, и, главное, ты никому там, на воле, не нужен. Даже последний вертухай не заглянет к тебе вечером и не прикрикнет, что пора спать. Человек – стадное животное, и в зоне все живут тесно. Часто ненавидят друг друга и бьются в кровь, страдают от несвободы и от постоянного присутствия чуждых людей. Но. Все время бок о бок, в тесной камере. И днем, и ночью. Возвращаясь на свободу, зэк теряет. Он забыл, как нужно

тут жить, когда тебя никто не замечает, когда тебя просто нет в этом свободном мире. Никто даже не узнает, что ты умер.

Глава III

Арик проснулся от жажды посередине ночи. От выпитой накануне водки он забылся до вечера, и теперь просто заставил себя подняться. Было тяжело.

– Парламент ждет! – попытался он сам себя взбодрить.

Прихватив «Парламент» и пару бутылок пива, бывший зэк расположился в старом кресле на балконе. Внизу был двор, окруженный с трех сторон многоэтажками, там галдела детвора и пофыркивали машины. Эти звуки городской жизни были приятны. Солнце зависло над крышей противоположного дома, ослепляя яркими лучами. Он прикрыл глаза и, как в детстве, посмотрел на светило сквозь веки. Мир заполнился теплым красным цветом. На ощупь откупорив бутылку, Арик сделал несколько больших глотков. Сразу стало легче. «Парламент» довершил начатое. Солнечный свет теплыми лучами проникал сквозь закрытые веки прямо в мозг. Там стало жарко, и боль отпустила.

Так он поступал в детстве, когда, нанырившись до одури, ложился животом на раскаленные прибрежные камни. В голове гудело от глубоких погружений, и соленая морская вода медленно капала из носа и ушей. Нужно было вот так прожариться на солнце минут десять, поворачивая то одно ухо к камням, то другое. На глубине вода под большим давлением проникала куда-то внутрь, и нужно было от нее освободиться. Прыгать на одной ноге, вытряхивая водные пробки из ушей бесполезно, они еще глубже уйдут. Нужно спокойно полежать, распариться и подождать. Холодные струйки сами соскользнут на горячие камни. Потом перевернуться на спину, подставляя солнцу лицо. На глубине вода холодная даже в августе, поэтому продрогшее тело с жадностью впитывает летнюю жару. Красный цвет раскаленного солнца через закрытые веки проникает прямо в мозг. Шум в голове исчезает, и блаженная тишина успокаивает все тело.

– Парламент ждет речи, – слышит он голос Аркадия Михалыча, подбадривающего к выступлению, и начинает свой спич.

– Ваше Величество, Ваша светлость, милорды, дамы и господа! Волею Господа нашего Иисуса Христа, даровавшего мне право унаследовать титул пэра, и благодаря милости ее Величества и уважаемого спикера, предоставившего мне слово, позвольте заметить...

Тут Аркан обычно делал паузу, обводя многозначительным взглядом аудиторию в зоне. Электорат, не возражавший против такого самовольного присвоения громких титулов и званий, да и самой возможности повystупить перед братвой, ждал развлечений. Важно поправляя мнимую мантию и кружева, зэк вставал с места и обращался к соседу.

– Милорд, я оставлю на кресле свою шляпу. Так уж потрудитесь проследить, чтобы ее не сперли.

Четыре года эта дежурная шутка вызывала восторг у слушателей. Наряду с известными политиками и актерами, Аркану дозволялось изображать некоторых офицеров из охраны и вертухаев в роли членов нижней палаты парламента. Впрочем, он быстро лишал их слова за непарламентские выражения. Образ Жирика всегда получался ярким и узнаваемым. Пламенный оратор обычно боролся за права зэков, обличая администрацию тюрьмы за многочисленные нарушения. Особенно на кухне. Образ Шандыбина, в котором сразу узнавался хозяин, иногда стоил Аркану карцера, но поднимал авторитет среди братвы. Обращение к милорду Кривому с просьбой тщательнее следить за дележом пайки всегда встречалось овациями. Правда, поначалу приходилось успокаивать Кривого ударом в печень, но однажды это право было пожаловано ему авторитетом из соседней камеры навечно. На все двенадцать лет, которые определил суд, но зэк самовольно урезал их до четырех.

– Парламент подождет, а мы покурим, – вспомнил на автомате дежурную шутку Аркан.

Дело в том, что в зоне его объяснения некоторых особенностей парламентского этикета Объединенного Королевства вызывали бурную реакцию. Например, то, что курить в помещениях парламента джентльменам запрещалось, и у дверей им специально раздавался только нюхательный табак, всякий раз приводило к перекуру в хате. Забитые и затравленные зэки охотно воображали из себя пэров Англии и затягивались дешевыми сигаретами. Парадокс человеческой психики.

Но Аркану вдруг стало мучительно совестно. Не уничтоженная зоной личность устыдилась своей поспешной забывчивости. Четыре года клокотавшая в душе жажда мести осталась там, на зоне. Он приказал себе забыть все, что связано с тюрягой, и вместе с унижением, страхом, болью и одиночеством бывший зэк избавился от того «ядерного реактора», что подпыхивал его душу в борьбе со всем злом.

– Забыть хочешь, фраерок дешевый, – сквозь зубы выдавил из себя Аркан. – Вот паскуда!

На глазах даже навернулись слезы. От дыма, наверное. Он взглянул на «Парламент». Одинокая сигарета давно истлела, изогнув бестелесную трубку серого пепла по форме кленового лепестка, выдавленного на дне пепельницы. Аркан даже скрипнул зубами от злобы на себя. Неужели он так быстро скурвился и забыл о Светке?

– Ну уж нет! Аркана так просто вам не взять...

Скорее всего, это было сказано самому себе. Тому, что так сладко он расслабился эту последнюю неделю. И, вот, поддался! Его не сломали на зоне, а тут... В душе что-то вспыхнуло и закипело. Аркан умел подчинять бесконтрольную злобу, превращать ее в энергию спокойного противостояния влиянию внешнего мира. Те, кто срываются и в припадке крушат все на своем пути, быстро выдыхаются и попадают под влияние более сильного психологически. Тому нужно лишь правильно расставить акценты при общении с несчастной жертвой. Каждому свое.

Арик начал вспоминать, как он впервые увидел Светланку.

К тому времени он уже лет пять считался «столичным перцем». Родители были еще живы, помогли устроиться в Москве после армии и поступить в технический университет. Впрочем, уже на третьем курсе Арик стал прилично зарабатывать и сам отсылал деньги старикам. Получив диплом, он не пошел обивать пороги рекрутеров, заламывающих огромные цены за хорошее место в приличной фирме. У него уже было свое дело, приносившее крутые бабки. Мало кто знал, что господин Данов применил на практике полученные знания и опыт не на благо отечественной науки или процветание какой-нибудь фирме, а сугубо в личных интересах...

У Арика была съемная квартира в центре, новенький «ниссанчик» и спортивный катер в клубе «Адмирал». Он тосковал по морю, но «рубить крупную капусту» можно было только в столице. Детская мечта иметь домик на берегу какой-нибудь спокойной банановой республики и ежедневно нырять в прозрачных водах среди кораллов и затонувших кораблей требовала для реализации немалой суммы. Да и подняться только своими силами в мегаполисе было проще. Любой провинциальный городок держался на связях, выстраиваемых годами, и чтобы заняться приличным делом нужно было либо правильно жениться, либо много отстегивать. И то, и другое самоуверенному ныряльщику было влом.

Как-то июньским утром он рассекал на своем «Linetti» в Крылатском. У берега тренировались воднолыжники. Настроение было отличное, и Арик решил пошалить. Заприметив стройную фигурку в синем гидрокостюме с дельфинчиком на груди, выписывающую пируэты на гладкой воде, он нарочито близко поднял такую волну своим быстроходным катером, что любой свалился бы в воду. Однако фигуристка на одной лыже легко поймала его волну и крунула с нее сальто, как ни в чем не бывало. Такое ныряльщик видел впервые. Девчушка явно задела его самолюбие, однако на новую попытку пройти на форсаже рядом с ней, пресекла блондинка за рулем катера, который тащил фигуристку на коротком фале. Похоже, это была

ее тренер. Она встала в покачивающемся на волнах катере, одной рукой управляя судном, а другой жестом просто попросила не мешать. Если бы блондинка ругнулась или наехала на Арика, он бы повторил свою шалость назло, но тут сдался. Даже сбавил обороты, чтобы не мешать. А фигуристка в гидрокостюме с дельфинчиком была хороша. Филигранная техника, но, главное, отчаянная смелость, помогали ей крутить фигуры высшего класса. Выросший на воде и сам пробовавший кататься на водных лыжах, ныряльщик смог по достоинству оценить ее мастерство.

Вечером того же дня Арик возвращался на стоянку в «Адмирал» и решил заглянуть на базу воднолыжников. Девчушка с дельфинчиком на груди продолжала упорно оттачивать фигуры, которые на первый взгляд были и без того идеальны. «Работяги» – уважительно назвал он тогда эту пару и решил познакомиться. Дождавшись окончания тренировки, Арик предложил девушке поужинать вместе или прокатиться на катере, но та отказалась, сославшись на усталость. Она жила тут же на базе, где все у нее есть... Жаль.

Арик признался себе, что воднолыжница ему очень понравилась. Высокая, стройная, сильная. Открытое русское лицо и очаровательная улыбка. После тренировки никакой косметики, а как хороша! Куда смотрят киношники, снимая в сериалах никудышных малолеток, пытающихся изображать из себя актрис. Вот, то, что нужно! И русскую крестьянку-красавицу сыграет, и королеву. А в глазах какой огонь. Отчаянная девчонка, а держится скромно. Не то, чтобы она сразила наповал «столичного перца», но не отпускала. Он думал о ней. Ведь бывают же такие...

На следующий вечер Арик приехал на базу с двумя огромными букетами цветов. Второй предназначался тренеру Дельфинчика, как он называл про себя воднолыжницу. Он сразу заметил, что между спортсменкой и ее наставницей существует душевный контакт. Они общались жестами на воде и быстро понимали друг друга. Это был тандем молодости и опыта, основанный на глубоком уважении и доверии. Один придумывает, второй воплощает. Пара просто супер! Если им не мешать, могут многого добиться. Но он знал по себе, успешным завидуют. Всегда. В любом деле отыщется злыдень, который будет вынашивать свой коварный план, чтобы убрать сильного конкурента. В бизнесе, спорте или науке все очень похоже. Причем злопыхатели норовят совершить подлянку на взлете, когда счастливчик более всего уязвим. Ныряльщик даже стал приглядываться к остальным спортсменам на базе. Лица были разные, но явных «врагов» он не нашел. Тогда.

Впрочем, тогда его визит был запланирован ненадолго, только для первого знакомства. Он все рассчитал точно. Тренер и Дельфинчик шли рядом по дорожке от причала и что-то обсуждали, когда он выскочил наперерез с букетами. Не дав дамам опомниться, он вручил цветы и попросил пару минут внимания. Тут же появился цыганский хор, ангажированный им в ресторане. Под сочные переборы шестиструнных гитар грянула цыганочка. Обе дамы уже через десять секунд сорвались с места, отплясывая в шортах не хуже профессиональных танцовщиц. И это после дня тренировок. Заводные! Арик галантно представился, поцеловав руки обеим. Дельфинчика звали Светланой. На все предложения о ресторанах и барах он получил отказ. Но встречу все-таки назначили на следующее воскресенье. Чемпионат страны по водным видам спорта пройдет в подмосковной Дубне, и болельщики приветствуются.

Глава IV

Подмосковная Дубна, с ударением в названии на последней гласной, оказался аккуратным маленьким городком с большим научным прошлым. Международный институт ядерных исследований позволял в застойные времена собирать здесь не только ученых с мировым именем, но и развивать самые разные виды спорта. Страна позволяла себе иногда тратить немалые средства на поддержание имиджа великой державы не только в хоккее и фигурном катании. Воднолыжная школа Дубны вырастила чемпионов Европы и Мира. Учитывая большой зимний период в средней полосе России, когда лед на Волге и водохранилище покрыт толстым слоем льда, такие результаты дорогого стоят. Помнится, Арик очень удивился, узнав, что Волга протекает всего в ста километрах от столицы. Ему всегда казалось, что крупнейшая река России находится очень далеко. Издержки образования, извините.

– Привет, Дельфинчик! – он по-товарищески пожал ее сильную руку.

– Меня зовут... – начала было она.

– Светлана Петрова, – перебил Арик и, припав на колени, бережно поцеловал руку, так и не отпустив ее ладонь из своей. – Восходящая звезда нашего спорта, самая юная рекордсменка Европы и просто красавица, у которой завтра день рождения.

– Банкет отменяется, – улыбнулась девушка. – В ресторанах бываю часто, но только чтобы быстро поесть и не готовить. Я человек серьезный...

– Прежде всего, – он поднялся, удерживая ее крепкую ладонь. – Очень сильный и светлый человек, каких трудно встретить на этой грешной земле. Наверное, в прошлой жизни ты была рыцарем.

– Почему? – искренне удивилась она.

– У меня есть любимая баллада о рыцаре, который всегда сражался с открытым забралом.

– Почему?

– Он верил в справедливость и был убежден, что ее защитников охраняет Господь... Только не спрашивай, почему в третий раз, а то я переименую тебя в почемучку.

Она только очаровательно улыбнулась и так стиснула его ладонь в своей, что нырлящику пришлось напрячь всю волю, чтобы не сдаться.

– Это я на всякий случай, – тихо объяснила девушка.

– Визитная карточка, – пояснил он сам себе. – Возьму на память.

Арик жестом показал, что кладет воображаемую визитку в нагрудный карман. Светка искренне рассмеялась в ответ, и он запомнил ее навсегда именно такой...

– Оруженосец Аркадий из рода Дановых к выполнению задания готов. Куда изволите доставить латы, шлем, боеприпасы, лыжи...

Ее кто-то позвал с берега, где уже собрались участники соревнований и глухо урчал буксировочный катер. Она не ответила на шутку нырлящика, лишь махнув на прощание рукой. Глядя на удаляющуюся стройную фигуру девушки, он завидовал дельфинчику на ее гидрокостюме, примостившемуся на бугорках упругой груди. Везет же некоторым.

Немного разбираясь в правилах соревнований по водным лыжам, Арик наблюдал за состязанием. Его чемпионка в противоборстве с более зрелой спортсменкой покоряла одну высоту за другой. Судья-информатор с восторгом сообщал о новых рекордах, установленных Светланой Петровой в отдельных видах. Она шла на рекорд и чемпионское звание в общем зачете, обгоняя уже титулованную и более опытную соперницу. Зрители аплодировали и подбадривали восторженными криками свою юную землячку. Она царила на празднике, словно еще не признанная королева, которой предстоит коронация уже сегодня.

Сочная зеленая трава, еще не выжженная жарким солнцем, стелилась под ногами плотным ковром, горожане, сгрудившись на трибунах разноцветными шеренгами, славили победи-

теля, которому все удавалось в этот день, а флаги играли на ветру, как фамильные стяги на крепостных башнях, где проходил рыцарский турнир в честь коронации. Все говорило о том, что сражающийся с открытым забралом одолеет в честном поединке любого. Так должно быть, согласно всем красивым притчам и балладам.

Когда судья-информатор объявил предварительные результаты соревнований, водный стадион взорвался овациями. Судейской коллегии еще предстояло просмотреть все записи и сверить протоколы, но это уже была только формальность. Наша Петрова была на голову выше остальных претенденток. И когда она шла по дорожке от причала, не в силах удержать улыбки, зрители бросились навстречу. Только Арик не торопился, боясь затеряться в толпе. Ему хотелось самостоятельно поздравить Дельфинчика с успехом, без назойливых почитателей таланта, которые всегда вьются вокруг знаменитостей. Он смиренно ждал на трибуне, наблюдая, как Светлана раздает автографы.

Справа зашевелились корреспонденты с большой камерой на треноге. Молоденькая девушка с блокнотом в руке шикала на нерасторопного оператора, который медленно собирал свою технику. Ожидать в очереди аудиенцию к чемпионке Арику не хотелось, и он встал во весь свой немаленький рост. Дельфинчик увидела его одинокую фигуру на трибуне и приветственно помахала рукой. Буквально вырываясь из группы назойливых поклонников, она отвернулась к ним, что-то говоря на ходу и не глядя вперед. Тут ныряльщик боковым зрением заметил что-то странное слева. Угловатая фигура в цветастой рубашке какими-то неловкими прыжками ринулась наперерез Дельфинчику. Парень чем-то очень не понравился Арику, и он, рывком перемахнув перила, бросился к девушке.

Их раздало метров десять, не более. В один миг он увидел, как что-то блеснуло в руке у парня, и Светка, вырвавшись от поклонников, развернулась навстречу обоим бегущим. Арик рванул еще сильнее вперед, но ему казалось, что время замедлилось только для него, и какие-то пудовые гири повисли на его руках и ногах. Очень медленно он делал те последние два прыжка и не успел. Буквально на мгновенье. Блестящая на солнце дуга полоснула по Светкиному горлу, и кровь фонтаном брызнула во все стороны, а дельфинчик непонимающе сжался на груди хозяйки.

Как часто Арик вспоминал потом этот жуткий миг. Как ругал себя за медлительность. Окажись он секундой раньше... Но время неумолимо. Он лишь успел подхватить обмякшее тело Светки, которая обеими руками судорожно сжимала страшную рану на открытой шее. Хоть бы у нее была какая-нибудь цепочка или колье на шее, бусы или кольца. Ну, что-нибудь такое, чтобы могло защитить эти пульсирующие жилы от смертоносного лезвия. Ничего. Обнаженная гордо вытянутая шея. Миг назад. Теперь она даже не могла дышать, и шансов на спасение не было. Кто-то крикнул дежуривших на берегу врачей, кто-то пытался порвать рубашку для повязки, но все было напрасно. Не в силах смотреть на агонию только что живого и полного сил красивого тела, Арик в ужасе отпрянул. Подбежавшие врачи и охранники растолкали сгрудившихся зевак. Они уже не видели дельфинчика на ее гидрокостюме, залитым горячей кровью.

Словно безумный, Арик бросился вдогонку исчезнувшего с места преступления парня в цветастой рубашке. Поднялась такая суматоха, что скрыться можно было куда угодно. Прыжками он двигался среди толпы, расталкивая на бегу встречных и высматривая цветастую рубаху. Ее нигде не было. А тут еще зеваки, не знавшие деталей преступления, увидев его окровавленные руки и одежду, пытались задержать или свалить на землю бегущего. Началась свалка. Он рычал от ярости, не глядя, раздавая тумаки и уклоняясь от захватов. Наверное, если бы его завалили, убили бы на месте. Но тогда единственное желание руководило ныряльщиком. Ярость придавала силы и уверенность.

Порой следственные органы месяцами, а то и годами ищут преступников. Он нашел намного быстрее. Что подсказало Арику направление, что вывело его на парня в цветастой

рубаше, пытавшегося скрыться, никто не знает. Только он настиг угловатую фигуру, бегущую неуклюжими прыжками, и свалил лицом вниз. Оседлав, одним движением, обмотал тощее горло убийцы разорванным рукавом его же цветастой рубашки. Парень не сопротивлялся. Он прижался правой щекой к траве и скулил. Арик в остервенении стал душить его, а тот лишь вытянул левую руку в сторону, да так и застыл с выпрямленным указательным пальцем. Что-то заставило мстителя тоже повернуться влево. Большие темно-серые зрачки с полопавшимися красными венками на белках с ненавистью смотрели ему прямо в глаза. Хотя между ними было метров двадцать, но запомнились только зрачки. Ни лица, ни фигуры, ни возраста, ни одежды. Ничего кроме озлобленных зрачков. Они словно пытались испепелить обоих – и убийцу, и мстителя. Столько ненависти он никогда не испытывал на себе. Даже позже, на зоне.

В тот момент Арик не думал, что душит несчастного в цветной рубашке. Он оцепенел от взгляда, и словно зомби выполнял чужую волю, замечая следы преступления, задуманного явно не парнем с тощей шеей.

Потом все было, как в тумане. Его оттащили, скрутили, надели наручники, долго держали в какой-то камере и заставляли повторять события этого страшного дня каким-то незнакомым людям. Все это было не из его жизни. Он словно видел это со стороны, как в кино.

Спасло то, что неуклюжий оператор со страху нажал кнопку на своей камере и заснял всю сцену гибели Дельфинчика. Девушка- корреспондент тоже дала правдивые показания. Суд был скорым. Никто из отцов города не хотел раздувать и без того явное преступление. Арик не смог доказать, что он был женихом или родственником, способным в состоянии аффекта на подобный поступок, и получил двенадцать лет за убийство. Родители погибшего Дельфинчика слегли в больницу от такого удара. Да, и его родители не выдержали. Он их так и не похоронил. И со Светкиным тренером Арик тогда тоже не встретился. В тот роковой момент она была в судейской палатке и ничего не видела, а он в наручниках сразу попал в КПЗ. Подозрения, связанные с теми злыми темно-серыми зрачками, остались лишь в его душе. Так легли звезды на небе в тот жаркий июльский день.

Глава V

«Парламент» помог стряхнуть навалившийся груз воспоминаний. Пиво закончилось, но голова уже не болела. Арик мысленно повторил свою дежурную шутку на зоне, что лордам специально не разрешали курить, дабы они быстрее принимали решения, а не растягивали на третье и четвертое слушанье, как в отечественном парламенте, где слуг народа всегда ждут шикарные и почти бесплатные буфеты в Охотном ряду.

Он пошел на кухню приготовить кофе. За четыре года былая привычка исчезла начисто. Три дня назад, закупая продукты в соседнем универсаме, Аркан так увлекся, что двое охранников из магазина долго разгружали тележки в багажник такси. Водила потом помогал все это добро дотащить до снятой квартиры на шестом этаже. Да, жадность фраера погубит.

Созданные припасы позволяли пока не выходить из дома и осмотреться. Арик то возвращался к воспоминаниям, то старался избавиться от них, но так и не мог определиться, что ему теперь делать. Единственное, что он точно знал, так это то, что он отыщет обладателя тех темно серых-глаз, переполненных злобой. Дельфинчика не вернуть, но отомстить он должен. Жажда мести помогла выжить на зоне, теперь он вернет долг... Кому? Своей памяти. Своей чести, наконец, иначе перестанет себя уважать. Вот только единственная ниточка, связывавшая его с тем кошмарным днем, была Светка, вернее ее голос. Нужно было снова услышать его.

Кофе был готов, и Арик вернулся в старое кресло на балконе, чтобы вновь предаться воспоминаниям. «Парламент» помог расслабиться и быстро перенестись в то время, когда он впервые осознал, что одним поступком сломал свою жизнь, но так и не спас зарождавшуюся любовь. Потом, на зоне, он часто размышлял над тем, как нужно было бы поступить, чтобы события развивались иначе. Времени у него тогда было достаточно, и вариантов его появления рядом с Дельфинчиком раньше парня в цветастой рубашке было немало. Часто он рисовал один сценарий за другим, но всякий раз, выбив злосчастный нож из рук убийцы, он наткнулся на злобные темно-серые глаза. Кто-то из толпы продолжал наблюдать за ним. Этот некто всегда появлялся в его фантазиях и снах, словно усмехаясь над нелепыми попытками изменить прошлое. И был этот неизвестный очень скользким. Арик пытался придумать такой сюжет трагического события, чтобы оказаться как можно ближе к обладателю этих злобных темно-серых глаз, чтобы уловить хоть какую-нибудь деталь прически, одежды или украшения. Он даже мысленно опрашивал стоящих рядом с этим уродом в толпе. Но никто ничего не мог сказать. Ни единой зацепки.

И, вот, однажды он услышал голос. Это было глубокой ночью, когда соседи в хате спали и никто не мешал моделировать сюжет того страшного дня. Он даже вздрогнул, ощутив посторонний голос в сознании:

- Ты действительно видел эти глаза?
- Видел, – растерянно прошептал он в ответ.
- Арик, говорить не нужно. Произноси только мысленно.
- Я «сдвинулся», – неуверенно спросил он, – или кто-то прикалывается?
- Когда ты впервые подъехал на своем «Linetti», на тебе была футболка клуба «Немо».

Синяя с зелеными буквами.

- Опаньки!
- И правый борт катера поцарапан, – добавил голос. – Паркуешься плохо.
- Да, это ребята попросили покататься, – он осекся. – Дельфинчик? Это ты?
- Ну, наконец-то! – голос девушки стал мягче. – Не пугайся, дружок, ты угадал.
- Я теперь «говорящая с призраками»?
- Наоборот, – голос усмехнулся. – Это я научилась говорить с живыми.

– Со всеми?

– Нет. Пока только с тобой.

– И каково это? – все еще настороженно проговаривал про себя зэк. – Слушай, это точно ты?

– Да-а... – насмешливо протянул голос. – Когда ты притащил цыган на базу, я просто обомлела. Никто и никогда не делал мне таких подарков. Я даже цыганочку с ними отплясала... В последний раз в жизни... Извини.

Они помолчали. Арик тайком озирался в темноте камеры, пытаясь уловить хоть какие-то намеки на розыгрыш. Все было, как обычно. Похрапывание и сонные стоны в спертom, липком воздухе тюремной хаты, да приглушенные шаги охранников в коридоре. Ему стало жутко от мысли, что вот так однажды «поедет крыша» и на этом все закончится. Кому ты нужен такой. Зона многих ломает.

– Нет-нет, не думай так, – запротестовал голос в его разгоряченной голове. – Ну, ты же видел фильмы о призраках. Не бойся!

– Ты со мной! – попробовал он отшутиться.

– Ну, не всегда, – извиняющимся тоном произнес голос. – Тут все стены пропитаны...

– Слушай, не бери на понт! И так сдвинуться можно.

– Я пытаюсь. Думаешь легко девчонке, внезапно оказавшейся в ином мире, понять, что происходит и почему.

Они опять умолкли, стараясь собраться с мыслями и не скатываться на пустые обвинения. Первым не выдержал Арик.

– А ты туннель видела? Ну, так все говорят, кто клинику испытал.

– Нет. Темень одна и холод, – голос стал жестче. – Я сразу и не поняла, что произошло. Задышаться стала... И страх жуткий парализовал. Даже боли не было, а ощущение, словно железом по стеклу. Судороги пошли, а я ничего не понимаю. Руками горло стараюсь прикрыть, а оно горячее и липкое. Потом ты подскочил, а лицо жуткое, перекошенное. Я еще больше перепугалась. Вокруг заголосили, и в глазах темнеть стало. Потом такая легкость и тишина. Словно с трамплина прыгнула – сначала боязно, перегрузка, удар о трамплин, а потом полет. Такой кайф в невесомости... И тогда тоже, легкость во всем теле, люди внизу, а я все поднимаюсь над ними. Только лыж на ногах нет, и тишина.

Голос замер на минуту, видно, тяжело переживая воспоминания, но он не торопил.

– Я тогда долго не могла понять, что произошло. Только полотенце искала. Думаю, надо же переодеться, а полотенца нигде нет. Ребята из нашей команды суетятся чего-то, бегают. Я их спрашиваю, а никто не отвечает. Смотрю, соревнования прервали, все смешалось, народ толпится... Потом тебя увидела. Одежда вся в крови, руки за спиной в наручниках, а глаза такие злые, по сторонам так и зыркают. Пыталась тебя расспросить, не слышишь.

Потом смотрю, двое носилки тащат, а на них Вовка с нашего двора. Лицо синюшнее такое и глаза навывкате.

– Ты его знала? – зэк перебил, звучащий в голове голос.

– Он из соседнего дома. Вдыхатель робкий...

– Ну, уж не робкий. Зуб даю!

– Я только потом, из разговоров поняла, что это он меня... Бритвой.

– За что? – едва не воскликнул зэк.

– Сама не знаю, – голос Дельфинчика звучал взволнованно. – Он за мной увивался с пятого класса. Все вздыхал издали. Писал дурацкие письма без подписи и подбрасывал в портфель, ходил на все соревнования и даже ездил за командой в другие города, чтобы посмотреть выступления. Я его взгляд помню... Всегда масляный такой, словно купальник снять норовил. Зимой у нас тренировки в бассейне были, так я его глаза на балконе часто примечала. Уставится и часами смотрит. Потом плетется сзади до самого дома.

– И никогда не подходил?

– Нет.

– А на дискотеках или в кино? – настороженно переспросил Арик.

– Да, у меня времени на развлечения никогда не было, – усмехнулся голос. – Я ведь с шести лет на лыжах. Галина Георгиевна меня еще в садике заметила, с тех пор все время с ней – то на тренировках, то на сборах, то в поездках... С девяти лет я выступаю на крупных соревнованиях. Какие там танцы!

– И ты ни с кем не встречалась?

– Я уже в сборной девять лет, – она словно поперхнулась. – Была... Ну, нравился один парень, но он намного старше. Был... Заметит мой взгляд и только подшучивает – «Расти и тренируйся».

– Хочешь сказать... – он не договорил.

– Да, представь себе. Девственница. Мне так и не исполнилось восемнадцать.

– Я не к тому... – сконфузился зэк. – Просто у тебя взгляд был такой напористый. Открытый. Женщины часто отводят глаза, а ты прямо жгла. Насквозь.

– Правда?

– Правда, – его рука невольно потянулась вперед, где мог бы находиться собеседник. – Ты мне часто снишься здесь. Та... Ну, когда цыганочку танцевала. Мне тогда показалось, что я влюбился в тебя...

– Да ладно!

– В тебе было столько счастья в тот миг. Искреннего, чистого, настоящего. Просто запала в душу. Я потом все вспоминал и думал. Вот это девчонка! За такой на край света могу пойти... А край оказался совсем рядом.

– Жалеешь, что связался? – насторожился голос Дельфинчика.

– Нет. Просто не могу понять, что так помешало. Кому мы дорогу перешли.

– Это я дорогу перешла. Не ты.

Арик даже приподнялся на локте, стараясь не упустить деталей разговора.

– Я так и понял, что парень тот не главный. Он в последний момент рукой в сторону указал. А там глаза из толпы на меня пялятся. Злые такие. Темно-серые... Сколько ни пытаюсь вспомнить лицо или одежду, ничего не получается. Только взгляд злобный. Тогда еще мысль промелькнула, когда я парня того свалил и рукав на горле затянул... Ведь, задущу гада, думаю, а вот остановиться не могу, словно приказывает мне кто-то. Сомнение промелькнуло не потому, что пожалел я убийцу, а потому, что будто не сам я его... Ведь раньше никогда не бьювал, а тут галстук пацану накинул.

Зэк затих на своей шконке, вытянувшись в напряженную струну. Все в его душе клокотало от ненависти к тому странному случаю, приковавшему его на двенадцать лет к зоне.

– Не вини себя, – ласково прошептал Дельфинчик. – Самоистязания приведут только к болезням, а я хочу, чтобы Аркадий Михайлович Данов вышел отсюда сильным.

– Знаешь, кто это сделал? Ну, у кого темно-серые глаза.

– Это только мои подозрения. Нужно, чтобы ты его сам вычислил.

– Дедуктивным методом? – попробовал пошутить он.

– Как хочешь...

Ее последняя фраза еще долго тревожила зэка. Либо Дельфинчик обиделся, либо согласился на все варианты – понять было трудно. В голове роились самые разные мысли, не дававшие Арику сосредоточиться. В итоге он все же убедил себя, что размышляет здраво, а голос... Ну, бывают же глюки, аномалии и всякие там обострения. Как говорил герой Леонида Бронего в популярном фильме «Голова предмет темный, исследованию не подлежит».

Глава VI

Стены казенного дома, где мотал свой срок Аркан, изобиловали не только картинками из мужских журналов, надписями, глубоко процарапанными в камне, вмятинами, выбитыми от постоянного перестукивания между камерами, но и той незримой ненавистью ко всему миру, которой дышали бесчисленные поколения его обитателей. Попавших сюда в разное время и по разным причинам объединяло единое чувство, присущее человеку. Самооправдание. Оно позволяло не свихнуться от самокопаний. Защитная реакция сознания оправдывала любого преступника в своих глазах и перекладывала всю полноту ответственности на других, особенно на тех, кто остался на воле. Сюжеты, многократно пересказываемые зэками в этих стенах, были так похожи друг на друга, что их можно было нумеровать, как набившие оскомину дежурные анекдоты и похабные шутки. В них всегда фигурировали коварные следаки, злобные прокуроры, тупые опера и неизменно продажные марухи, сдавшие легавым красу и гордость всего города.

Аркан не мазался к блатным, но понятия уважал и всякий раз старался быть незаметным. Только когда братва желала развлечься, он охотно возобновлял «слушанье в парламенте», перевоплощаясь в известных «единоросов» или «ЛДПРовцев», ведущих непримиримые дебаты с «комуняками». Однако, пламенные выступления его ораторов быстро умолкали, едва пахан, зевнув, отворачивался или задерживал занавесочку своей шконки. Чувство меры, позволявшее быть ненавязчивым, обещало сохранить востребованность, что было равносильно охранной грамоте, когда в хате искали очередного козла отпущения.

В первые полгода на зоне самыми тяжелыми были ночи. Они изводили Аркана напряженным ожиданием чего-то страшного. Вернее, неизвестностью, заполнявшей ночную тишину вокруг воображаемыми кровавыми сценами, перед которыми голливудские тюремные триллеры выглядели передачей для дошкольников. Заварушки, конечно, случались иногда, а вот власть страха, заполняющая собой все пространство зоны, было постоянной. В одно из таких бдений он опять услышал где-то в глубине воспаленного сознания Светкин голос.

– Перестань кошмарить себя. Чем больше ты думаешь об этих душегубах, тем больше притягиваешь к себе темные души.

– Дельфинчик, это ты? – неуверенно проговорил он про себя.

– Да, – голос казался насмешливым. – Называть пароль при встрече?

– Значит, ты можешь слушать и говорить со мной, когда захочешь?

– Вовсе нет. Просто твои мысли эхом гудят внутри тюремных стен, как набат. Уродов собралось тьма. Не протолкнуться.

– Что значит, не протолкнуться?

– Ты футбольным фанатом был когда-нибудь? – неожиданно спросил голос и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Вот, представь себе, что на финальном матче многотысячные трибуны стадиона погрузились в темноту, и кто-то один вопит – наших бьют! А в темноте тысячи фанатов «Спартак» и «Динамо» набычились, готовые ринуться на выручку. Просто пока не понятно, кто где.

– И ты прокралась, чтобы мне пасть заткнуть, – пошутил Арик. – А то сожрут...

– Типа того, – в тон ему ответил голос Светки. – Ты просто не представляешь, что в ином мире творится.

– И что, есть блатные, менты и фраера?

– Тут многое иначе. Свои понятия есть, конечно, но главное – энергия. Кто больше поднять сможет, тот банкует. И, смотря какой энергии, конечно. Та, что за гранью, считается козырной масти.

– Дельфинчик, ты, правда, существуешь? – не удержался зэк.

– Аркаша, ты, как ребенок!

Она впервые назвала его по имени за все время знакомства. И он впервые услышал свое имя за последний год. Сразу повеяло прошлой жизнью, казалось, утерянной навсегда. Не зря говорили древние, что имя судьбу определяет.

– Признаться, я уже не помню, что меня так когда-то звали. Теперь я Аркан. До киллера не дотянул, даже не мокрушник. Так, галстук накинул фраерку.

– Ты же понимаешь, что это временно. Тяжко, конечно, но не навсегда.

– Почему? – с надеждой мысленно спросил зэк.

– В тебе достаточно силы быть независимым. Вспомни, ты хоть когда-нибудь был при ком-то.

– Ну, как фишка ляжет.

– Ой, ли! – голос в его голове зазвучал серьезнее. – В вашем мире иногда говорят о человеке, что у него за душой ничего нет.

– Имеешь в виду харизму?

– Называй, как угодно. По сути, это не просто сила, позволяющая выкарабкиваться за счет кого-то, отнимать и подчинять. Вампирить в самом широком смысле. Я говорю о способности найти в себе силу. Это дар... Для стада всегда существовали пастухи – Зевс, Перун, Один, Ра, Христос. Некоторые умело к ним примазывались, но были и другие.

– Кто не верил ни в бога, ни в черта? – усмехнулся зэк.

– Нет, такие только разрушали. Я говорю о тех, кто верил в себя, и находил в себе силу. Причем, сколько нужно.

– Ну, не знаю... У нас тут тоже приход соорудили. Народ молиться ходит.

– Это слабые ищут защиты. При ком-то быть выгодно. Он казнит и милует, и он за все в ответе. Цена за такую «крышу» известна. Одни отдают душу богу, другие – дьяволу. Евреи это честно называли. Договор. Но толмачи перевели это для стада чуть иначе. Завет.

– Так всегда было.

– Нет, – голос в голове Аркана зазвучал, как сталь. – Если у кого что-то есть за душой, он все может сам.

– А кому не дано? Кто, как все? – настаивал Аркан.

– Такие рано или поздно запаникуют и сдадутся, – голос стал грустным. – Одни просто так, не за понюшку табаку, иные на сделку пойдут, условия выторговывать станут. Тут их и высосут.

– Вурдалаки? – шутливо переспросил он.

– Я не знаю точных названий, но поверь, мало не покажется. Сначала они питаются страхом, потом всю энергию из души вытягивают, а под конец и саму душу возьмут. Тут это в цене.

– А в глаз могут дать? – он все еще пытался бравировать.

– Это в твоём мире люди бьют друг другу морды и рвут горло. Тут целят внутрь. Энергию высосут и рабом сделают. Дойной коровой. Будешь из падали последнее вытягивать на помойках, а хозяин тебя потом отымеет. Когда созрешь.

– И ты хочешь сказать, что эти вурдалаки сейчас тут?

– А ты не чувствуешь? – усмехнулся голос. – Да, голодных тут немерено. Только и ждут.

– Чего? – искренне удивился он.

– Когда разрешишь... Или рукой на все махнешь по широте души русской, или поторгнешься за каждый грошик. Заветы у всех разные, но им верны.

– И что потом?

– А ты в глаза братве не заглядывал? – вопросом на вопрос ответил голос. – Пустые, бездушные, даже прозрачные какие-то. Таких по зонам толпы. Их высосут и отпускают на волю пасть, а сюда новых нагонят. Конвейер такой...

– Ты стала другой, – с сожалением проговорил Аркан мысленно.

- Я быстро учусь... Однажды попалась, пока тебя искала. Едва выкрутилась.
- Что значит – попалась?
- Хмырь один предложил махнуть информацией за услугу. Знал, где ты маешься. А услуга простая – помочь пройти через грань.
- Что, не все могут оттуда проходить в наш мир? – удивился зэк.
- Представь себе, что это не всем дано. Тут разные касты, и своя иерархия. Хотя, по большому счету, скопилось одно дерьмо. Отказники. Их никуда не пускают, вот они и толкуются по помойкам. Проникать сквозь грань между мирами могут такие, как я, у кого долги там, в вашем мире. Остальные ищут проводника, и только тогда насосаться энергии смогут, чтобы куда-нибудь подняться.
- И как же ты... Выкрутилась?
- Вовремя догадалась и замкнула двоих голодных друг на друга. Пока они с собой бодались, сделала ноги. Теперь стала хитрее.
- А я могу тебе чем-то помочь? – неожиданно спросил Аркан. – Отсюда.
- Последовала некоторая пауза. Девушка словно размышляла.
- Да. Если почаще будешь вспоминать что-то хорошее из нашего общего прошлого.
- Не вопрос! – встрепенулся он. – И тогда ты сможешь быть сильнее?
- Если разрешишь, я буду через тебя дотягиваться к своим.
- Без базара, – начал, было зэк, но осекся. – Извини, тут все только на фене...
- Тебе нужно четко разделить в себе два понятия. Зона и воля должны существовать отдельно, тогда будешь своим и там, и там. Всему свое время.
- Предлагаешь стать Штирлицем и в шпионов поиграть?
- Как хочешь, но выкручивайся! – Светкин голос стал жестче. – Я вообще в чужой мир попала, где ничего общего с вашим. В темноте уроды одни друг друга на куски рвут из-за энергии, а я в купальнике одном. Просто свежая выпечка в море дерьма...
- Она замолчала, но сказанное произвело впечатление. Аркану стало стыдно. Ему представилось, как по огромному полю бежит красивая девчонка в купальнике, а за ней гонится толпа разъяренных мужиков. Каково той девчонке! Сознать, что вот сейчас ее настигнут, собьют с ног и...
- Ну, хватит! – резанул голос внутри. – Не хватало, чтобы сюда еще и озабоченные сбегались. Им только подавай ваши сексуальные бредни. Такого иногда насочиняют, что мне тут страшно становится – как я там среди таких маньяков жила!
- Свет... – он не успел сказать.
- Ну, ты же был нормальным мужиком. Я же видела твои глаза. Подумала тогда еще – вот ведь какой! Да, такого полюбить не страшно и все отдать. Без оглядки. Любить без памяти. Кинуться с разбега навстречу, чтобы души слились... Вокруг меня ведь тогда много всякого народу крутилось, кому только тело подавай. Глазами просто обдирают одежду, а на берег приходили, чтобы в купальнике увидеть. Слюни аж до колен распускали...
- И ты во всем этом жила?
- А куда ж я денусь! – голос стал ироничным. – Мужики вообще создания тривиальные, хотя мнят себя царями природы. Им кто-то написал на папирусе, что женщина не человек, они и возрадовались. Одни нацарапали это перышком – в Торе, другие – в Библии, третьи – в Коране. Объявили женщину исчадием ада, греховным сосудом и сделали своей собственностью. Возомнили, что теперь могут с руки кормить. Из милости.
- Да, ты стала мужененавистницей? – удивился зэк.
- Нет, дорогой! Я стала реалисткой.
- Дорогой? – переспросил он.
- Ну, по сравнению с окружающими, ты просто ангел. Признаться, я и сама не заметила, как стала тебя так называть... В своих беседах. Наедине.

– Мне казалось, так обращаются друг к другу супруги, прожившие в браке много лет.

– Ну, наконец-то ты стал говорить на нормальном языке. Это хороший признак. Хотя, до сих пор мыслишь шаблонами. Понимаю, что мужчинам так удобнее. По рождению – в князья или, хотя бы, в команду, которая штаны носит. Среди них есть такие, кто настолько ограничен интеллектуально, что надевает красные штаны. Ну, чтобы все издалека замечали и понимали, что царь природы идет. В армии же только красные лампасы полагаются. Некоторым этого маловато.

– Слушай! – едва не в голос, вскрикнул Аркан. – А в прошлой жизни ты, случаем, не была амазонкой?

– Нет, дружок. Я была пиратом. Причем не раз!

– Хочешь сказать, что видела свои прошлые жизни... Там...

– Да, и ты про себя все знаешь, только вспомнить не можешь... Хотя, прислушаться мог бы.

– Прислушаться к чему?

– Аркаша, – ее голос звучал почти нежно, – ты ведь любишь анализировать, связи выстраивать... Поищи зацепочки-то. Сам многое поймешь. Иногда так красиво мыслишь!

– Подслушиваешь? – с упреком спросил он.

– Да, ваши мысли так гудят по этим стенам, что только глухие мимо проходят... Открою тебе страшный секрет – между мирами нет тайн, но много ограничений.

– Почему по стенам?

– Не только по стенам, – пояснил голос. – Переход есть везде, где грань существует – вода, камень, зеркало...

– А огонь?

– Нет, ты мне сегодня определенно нравишься, дорогой! Мыслишь правильно. Огонь – самая сильная грань. Динамичная. Переходы в нем нетривиальные, только мастерам подвластны. Но зато энергия бешеная.

– Ты еще не умеешь?

– Новичкам не под силу. Тут долго учиться нужно. Думать. Обжигаться и пробовать. А для этого еще и энергию собирать надобно.

– Мне вспомнилась фраза из одного мистического фильма – первые сто тысяч лет трудно, но потом привыкаешь.

– Ну, уж нет! – почти закричала Светка. – Времени у нас мало. Того гада нужно наказывать еще до того, как он из твоего мира уйдет. Скользкий он, вывернуться может, ищи потом... А такого прощать нельзя!

Голос умолк, и тюремная тишина навалилась на ээка, но теперь Аркан был чуть сильнее, чем прежде. У него появился друг.

Глава VII

Аркан решился на побег, отмотав три года. Психологи утверждают, что для мужчины этот срок критичен и на работе, и в семье, и в каком-нибудь деле. Начинается переоценка себя и окружающих, поиск чего-то нового. Кто-то заводит романы на стороне, кто-то перебирается в другой офис, а большинство просто меняют машину.

К тому времени Аркан пообвыкся на зоне. Приспособился держать нейтралитет и быть полезным для блатных в роли шута, готового по команде рассмешить публику. Эта «крыша» давала некую свободу, которая была использована для анализа ситуации и выработки плана. Изначальная позиция одиночки сохранялась и в долгих размышлениях о побеге. В группе блатных, подавшихся в бега, он был бы выучным животным и живыми консервами. Да и нескольких беглецов искать станут большими силами, им затеряться труднее. Ведь главное, после того, как перемахнешь «колючку», рассуждал зэк, скрытно и быстро бежать. Козырь одиночки в непредсказуемости маневра и независимости в принятии решений. Отстреливаться, конечно, надежнее впятером, но где взять столько стволов, а одному сподручнее в самую узкую щелочку забиться. Ведь сила всегда на стороне погони будет, но главное – время. Каждый час беглеца вне зоны увеличивает площадь поиска в разы. И незримый «покер» с главным «гончим» есть игра интеллекта, где ставка – жизнь. Решившиеся на побег редко сдаются.

Впрочем, без Светкиного голоса, навряд ли, что получилось. Длинными зимними ночами они обсуждали каждый шаг дерзкого замысла, и план постепенно вырисовывался. Основу составлял факт наметившейся стройки. Администрация лагеря получила распоряжение начать весной строительство второго блока. Эта новость морзянкой быстро облетела все хаты, вызвав самые разные толки у зэков. Кто-то возмущался предстоящей работой, кто-то планировал откопаться по болезни, а кто-то втайне сознавался, что стройка будет хоть каким-то разнообразием в тягостном однообразии зоны. Возможно, кто-то, как и Аркан, обдумывал план побега, но первым решился бывший ныряльщик. Его психология была не сломлена, а месть подталкивала к тому, чтобы нырнуть в неизвестность и плыть в темноте столько, сколько потребуется.

Впрочем, Аркан не был слепым котенком. Едва зона затихала в ночи, голос девушки начинал звучать в его голове, описывая в деталях все переходы и двери на зоне, правила хранения ключей, расписания внутренних работ, смены караулов и прочие мелочи, без которых рисковать не было смысла. Используя терминологию шулеров, они кропили колоду, которой собирались сыграть со всей Федеральной системой исполнения наказаний. Конечно, сомнений было немало, и на главный вопрос зэка голос девушки ответил:

– Не бойся, на тебя никто не обратит внимания. Я отведу им глаза.

Звучало неправдоподобно, но он поверил. И вот настал тот теплый апрельский день, когда все должно было решиться. После обеда «КАМАЗ» привез кирпич, и группа зэков под охраной пятерки конвоиров аккуратно разгружала его. Каждый разбитый кирпич приравнивался к диверсии, каравшейся карцером. Работали медленно, но к ужину управились. Когда же зэки были построены на проверку, Арик, согласно разработанному плану, направился к машине. Он медленно забрался в кабину, и никто не окликнул его. Водила сел рядом и спокойно поехал. На всех КПП охранники проверяли «КАМАЗ», осматривая потаенные уголки с помощью зеркал на длинных ручках, но зэка не видели в упор. Затем, на пару с молчаливым водилой, они, молча, проехали километров сто, пока тот не остановился по нужде. Уже стемнело, и Аркан спокойно вылез из теплой кабины и шмыгнул в кусты у обочины, а затем и в лес.

Прихваченный бушлат из «КАМАЗа» помог бороться с холодной апрельской ночью. Впрочем, беглец не ощущал ни холода, ни голода. Пропетляв сначала на всякий случай, чтобы сбить со следа собак, которых «гончие» берут с собой на поиски, он наткнулся на речушку, по которой прошел с километр. Страх гнал его подальше от трассы, вдоль которой начнутся

поиски. Только безумец мог рассчитывать пройти сотни километров без ночлега, еды и оружия. Выходить к какому-нибудь поселку или жилью было очень опасно, уже завтра его начнут искать. Светкин голос обещал приложить все свои неведомые силы, чтобы никто не заметил отсутствия беглеца до рассвета.

Размеренным широким шагом Аркан отмерял километр за километром, стараясь не переходить на бег. Он экономил каждую толику своей энергии, направляя все только на движение прочь от зоны. Строго на север. Абсурдность этого плана заключалось в том, что спасительная трасса, оставалась в противоположном направлении. В покере это называется «женским сносом» на мизере, то есть, когда на руках явная пара взяток, но эти карты не сбрасываются в слабой надежде, что противники будут играть по правилам обычной логики, исключая саму возможность оставить крупные карты на руках. Они начинают ловить играющего мизер совсем в другой масти и проигрывают. Но в покере все сидят за одним столом. Глаза в глаза. Там можно почувствовать, «проинтуичить». Беглец же играл втемную. Он даже никогда не видел своего противника и не мог хоть что-то прогнозировать, исходя из своих наблюдений за объеком. Были только подсказки Светкиного голоса. А еще жажда мести.

Доверившись своему опыту в погружении на глубину, Аркан начал напевать баллады о рыцарях из далекого детства. Вместе с ними он сражался за святую веру с полчищами врагов. И чем дальше беглец удалялся на север, тем меньше оставалось шансов просто выжить. Апрельская ночь была морозной, и отсутствие каких-либо облаков позволяло четко ориентироваться по звездам. Главное было не свалиться и не заснуть.

Часам к десяти утра он так устал, что, напившись дождевой воды из лужи, тут же уснул, провалившись в темноту сна, как в бездну. Пролежав, свернувшись в клубок, не менее часа, Аркан проснулся от какой-то тупой боли в боку. Резко встал, чтобы стряхнуть остатки короткого сна и нащупал что-то твердое в кармане бушлата. Очень бережно, словно тонкую работу из стекла, беглец извлек из бокового кармана банку с потертой и надорванной этикеткой.

«Свиная тушенка»!

К такому подарку судьбы он не был готов и так растрогался, что чуть не заплакал. Кто-то заботился о нем, пропащем, и вел по тайге. Эта мысль придала уверенности, и на душе стало очень спокойно. Припас ли сам водила банку консервов, чтобы закусить после долгого рейса или чья-то заботливая рука сунула их в карман мужику, теперь было неважно. Главное, что этой еды могло хватить на пару дней. Нужно было только умело распорядиться ею. Решив открыть консервы, только когда найдет подходящее место, Аркан отправился дальше.

На закате он вышел к небольшой речушке. Петляя среди невысоких лесистых холмов, она медленно текла в низине, где уже начинала просыпаться природа. Зеленели первые ростки и листочки, чирикали птицы. Отыскав большой валун у воды, беглец решил немного поесть. Вспомнив, как открывают консервы, стирая закатанные ребра банки о камень, он принялся аккуратными круговыми движениями елозить по широкой спине валуна. То и дело, переворачивая банку, чтобы не упустить момент, когда круглые края ребер будут сточены, и крышку можно будет приподнять, он работал все аккуратнее и аккуратнее.

Запахло пряностями. Тонкие следы юшки, просочившиеся из банки на камень, заставили мужчину остановиться. Отыскав соломинку, он высосал весь сок из банки. Ничего вкуснее в его жизни еще не было. Запив холодной водой из речушки свой первый перекус на воле, Аркан решил больше не притрагиваться к еде. Вытряхнув из кармана бушлата какие-то крошки, он аккуратно опустил в него почти открытую банку и для верности придавил ее там рукой. «НЗ». Он будет есть по кусочку, когда сможет обильно запить водой. А пока нужно было раздеться и перейти речушку вброд голышом. Впереди была холодная апрельская ночь, а костер разводить было никак нельзя. Коробок спичек, это единственное, что позволил себе иметь в кармане зэк, готовясь к побегу. Даже несколько сухарей могли бы вызвать подозрение у вертухаев.

Аркан разрешал себе забываться в коротком сне только днем. Каждые три-четыре часа. Ночью не останавливался вовсе. Главное было – не петлять и не отворачивать от курса. Строго на север. Он свято верил в слова, сказанные Светкиным голосом, что случай ему поможет. Это в голливудских фильмах побег из тюрьмы связан обычно с аварией машины или самолета, перестрелками, погонями по трассам и на улицах города. В России многое было иначе, все тонуло и растворялось на ее бескрайних просторах. Примени Эйнштейн свою теорию относительности к нашей стране, он доказал бы математически, что время на такой территории замедляется, как вблизи огромных скоплений вещества в космосе. И безысходность русских не оттого, что они отличаются от европейцев, они просто живут в ином времени и пространстве. Потому и судьба такая.

На пятый или шестой день побега Аркан уже не мог точно сказать, какой, поскольку сбился со счета и его качало от усталости, он услышал выстрел. Это была винтовка, никак не автомат. Решив, что стреляли не в него, беглеца, а, скорее, в какую-то дичь, он осторожно направился на разведку. И подоспел вовремя. Издыхающий медведь придавил кого-то своей огромной тушей. Смертельно раненый, он почти не двигался, ревел, но не сдавался. Аркан осторожно приблизился, пытаясь быстро сообразить, как помочь тому, кто был прижат к земле медведем. Сил у беглеца, не то чтобы на борьбу с медведем, а вообще, чтобы уверенно стоять, не было. Оглядевшись, ээк заметил карабин. Очевидно, смертельно раненный зверь, встал на дыбы и двинулся на охотника. Сшиб его с ног и выбил оружие. Не проверяя, есть ли еще патроны в магазине, Аркан передернул затвор и, уткнув ствол прямо в ухо медведя, нажал на курок. В тишине грянул выстрел, у зверюги дернулась косматая башка, а у стрелка остро кольнуло в запястье. Оказывается, палить из карабина на вытянутой руке дело опасное. Но в горячке ээк на это не обратил особого внимания. Передернул затвор и нажал на курок еще раз. Холодно клацнул боек, но выстрела не последовало. Тогда, с разбега ударив тушу медведя плечом, Аркан свалил его с придавленной жертвы.

Им оказался маленький китаец. Оглушенный и перепуганный, горе-охотник стал отползать на четвереньках от огромной и уже бездыханной туши. Убедившись, что за ним никто не гонится, китаец сел на землю, тяжело дыша. Его куртка цвета хаки была вся в крови. Но это была медвежья кровь.

Остальное прошло, как в тумане. Китаец освежевал медведя. Рассовал в пакеты печень и еще какие-то внутренние органы и спрятал в рюкзак. Туда же отправились отрезанные лапы мертвого властелина русских лесов. Скорее всего, это был один из многочисленных браконьеров, которые незаконно переходят границу и годами грабят наши уголья. И никому до этого нет дела.

Потом у костра китаец обогрел и досыта накормил беглого ээка жаренной медвежатиной. Почти сразу же они заснули, прижавшись друг к другу, вдоль пышущих жаром кедровых головешек. Объявленная когда-то отцом народов великая дружба великих держав, не умерла и поныне.

Утром китаец растолкал Аркана и на очень плохом русском объяснил, что надо быстро идти на базу. Иначе испортится медвежья желчь и печень, а это у них на вес золота. К обеду они действительно пришли в лагерь из нескольких палаток. Отдав последние силы на длительный переход, да еще с поклажей свежей медвежатины, Аркан просто валился с ног. Он лишь запомнил эмоциональный рассказ китайца, в лицах изображавший картину своего спасения беглым ээком. На благодарные похлопывания по плечу он устало улыбался и, наконец, тихо уснул.

Спал несколько дней подряд, просыпаясь от настойчивых толчков, чтобы поесть, и снова проваливался в тяжелый сон. Однажды утром проснулся и почувствовал себя вполне сносно. Вышел из палатки к костру выпить чаю и просидел так до обеда. Китайцы суетились вокруг него, подавая что-то в разноцветных пиалах, улыбаясь и разговаривая по-своему, а он лишь жадно пил. Пил какие-то ароматные настои и не мог остановиться.

Глава VIII

Воспоминания не отпускали беглого эка. Все мелочи недавнего прошлого так глубоко въелись в его память, что приходилось силой гнать их от себя прочь. Арик даже придумал образ некоего дворника, подметавшего сухую опавшую листву в сильный ветер. Так получалось посмеяться над своими воспоминаниями, которые, словно непокорная листва, никак не хотели собираться в аккуратные кучки. Хотелось верить, что стоит воспоминаниям, как и листве, покорно затихнуть в конусообразных кучках, тут же дворник в длинном фартуке и с помелом в руке чиркнет спичкой. Сухие листья вспухнут порохом, и в синее небо взметнется лишь серый пепел, оставшийся от ярко красных, желтых или бордовых красавцев. Нужно только переждать ветер, тогда от воспоминаний не останется и следа. Но пока что сжигать воспоминания не получалось.

Аркан вспомнил, как удивился, услышав пару месяцев назад шум вертолета, подлетающего к лагерю китайских браконьеров, один из которых и привел туда беглеца. При этом чужаки не выразили ни малейшего страха или хотя бы тревоги. Наоборот, кто-то начал переговариваться по рации. Речь была непонятна, но смысл не ускользнул – вертолет корректировали по местности.

Китаец, спасенный Арканом несколько дней назад, подскочил к нему и стал знаками показывать, чтобы эка собирался в дорогу. Особых опасений, что беглеца хотят выдать властям, не было. Навряд ли браконьеры дружили с законом и поддерживали добрые отношения с местной администрацией. Скорее всего, они таились, и в этом их интересы совпадали. Конечно, им было бы проще вообще закопать случайного свидетеля в землю, но чувство взаимовыручки и братства в бескрайней тайге было превыше всего остального. Особенно, если религиозные взгляды охотников позволяли верить в переселение душ и единую справедливость всего окружающего мира.

Сборы были недолгими. Китайцы подарили беглому эку простенькую одежду, в которой последние лет десять ходила вся дальневосточная область огромной страны. Задворки некогда могучей империи так и остались обделенными вниманием центра. От помазанника божьего или отца всех народов до президента. Богатейший в мире край бросили на произвол судьбы, а бандитов и проходимцев всех мастей тут хватало. Среди крупных группировок, не поделивших сферы влияния, порой происходили разборки, и тогда присылали новый хозяйский глаз, который быстро «замыливался» во всех острых взглядах, а вот на мелочь, вроде этих охотников, внимания никто не обращал.

Пока браконьеры грузили в приземлившийся вертолет какие-то мешки, спасенный Арканом китаец стоял рядом и молчал. Когда пришло время прощаться, он ласково посмотрел Аркану в глаза, но не в силах что-то сказать, просто протянул ему рюкзак с какими-то пожитками. Потом осторожно дотронулся до его груди и произнес по-английски. Tiger. Китаец был намного ниже своего спасителя, но от него исходила какая-то удивительная сила.

У Аркана тогда еще мелькнула странная мысль. Почему чужак, прокраившийся на его землю пограбить, чувствует себя здесь так уверенно, а он, русский, прячась, мечется, как затравленный заяц. Да, еще и помощь принимает от пришлых. Дела...

Вертолет высадил их у какого-то поселка. Трое китайцев с большими тюками сели в поджидавшую на обочине машину, и укатили. Аркан стал осматриваться. Где он и куда бежать дальше не было ни малейшего понятия. В подаренном рюкзаке он обнаружил немного еды, потертую карту с китайскими и русскими названиями, большой вязаный свитер и маленькую игрушку. Это был китайский вариант неваляшки. От любого щелбана он начинал раскачиваться и хохотать. Но свалить его было невозможно.

Подарок Аркану очень понравился. Душевная щедрость не знает границ или языковых преград. И то, что так трудно бывает выразить словами, вдруг передается одним жестом или поступком. Какими же иногда бывают мудрыми люди. Даже незнакомые. Случайная встреча в глухой тайге странным образом продолжилась в неваляшке, которым ему, похоже, предлагали стать. Без документов, денег, связей, с преследовавшим его прошлым, а, возможно, и засадой в любом встретившемся доме.

– Не меня ли высматриваешь?

От неожиданности, Аркан вздрогнул и резко обернулся на голос за спиной. Женщина средних лет с приятными чертами лица и солидной фигурой, которую не могли скрыть никакие одежды, чуть исподлобья смотрела на него в упор.

– Тебя, красавица, – тут же выпалил беглый зэк, стараясь перевести разговор на игривый лад, и не доводить до конкретных вопросов.

– Бичуешь, матросик? – взгляд женщины стал чуть насмешливее.

– Дык, погуляли давеча, а очнулся...

– Ну, гипса, слава Богу, нет... – продолжила незнакомка. – Пойдем, работенка есть. Накормлю и переночевать оставлю. Только смотри, руки не распускай. У меня разговор короткий, серпом все хозяйство так и отхвачу, если похабствовать полезешь. У меня только фамилия Кроткая, но за себя постоять умею.

– А меня Серегой кличут, – быстро соврал гость. – Пилю, строгаю, ЭВМ починаю.

– Ну, это мы проверим, – взгляд стал еще чуточку насмешливее. – Потом... А прежде ты, милоч, крышу мне подлатай. Течет, проклятая.

Не оборачиваясь на пришлого и не приглашая следовать за собою, Кроткая спокойно пошла вперед. Беглому зэку ничего не оставалось, как следовать позади. Шаг у хозяйки был широкий, уверенный. Высокие армейские ботинки на шнуровке едва мелькали из-под длинного платья. Плотная округлая женская фигура, особенно ниже талии, тут же приковала к себе взгляд мужчины, давно лишённого женского общества.

– Ты мне одежду-то не прожги взглядом, – едва обернувшись, громко сказала хозяйка. – Шляетесь по своим экспедициям месяцами, а потом на любую бросаетесь с голодухи. А жена с детишками, небось, дома кукует.

– Дык, нету жены-то.

– Все вы холостые по командировкам, а вернетесь домой, скулить начинаете.

Они замолчали. Тропинка петляла, уводя от дороги вглубь поселка. Добротные срубы из кедрового кругляка с метр в диаметре выглядели грубовато, но очень солидно. Кое-где окна украшали нарядные резные наличники, тщательно измазанные голубой краской. Зелень на огородах за редкими заборами еще не поднялась, отчего общая картина была унылой.

– Обезлюдили наши места, – словно услышав мысли гостя, громко сказала Кроткая, ни к кому не обращаясь. – Раньше хоть какие-то совхозы были, а теперь копейку негде заработать.

– С вертолета и рудники, и поля видать было, – попробовал поддержать разговор беглый зэк.

– А, то! И рожь, и пшеница – только руки приложи. А сои такие урожаи были, что девать некуда. Только вот кому это теперь все нужно. Привыкли на готовеньком жить. Все из-за бугра везете.

– Думаете, моих рук дело?

– Таких, как ты, – хозяйка не оборачивалась и говорила громко. – Пальчики у тебя длинные, холеные. Только с карандашиком и забавлялись.

– Как же вы такому крышу доверите? – попробовал возразить Аркан.

– Негоже бабе по крыше лазать. На то мужик есть. Да и дело нехитрое. Я прослежу.

Поздним вечером того же дня Аркан сидел за широким столом, покрытым вышитой скатертью. Пока он возился с крышей и менял доски на лестнице в погреб, хозяйка истопила баню и собрала поужинать. Разомлев от роскошного пара с духом чабреца и хвои, отхлестав себя дубовым веником и прогревшись у раскаленной каменки, Аркан был словно пьян. Только сейчас он почувствовал себя по-настоящему свободным.

– Давно не парился, матросик? – сурово спросила Кроткая, подавая гостю большую миску щей.

– Заметно?

– Кожа больно белая у тебя. Не похож на вахтовика с буровой или водилу лесовоза. Из профессорской библиотеки к нам?

Аркан не успел ответить. Гул мотора мощной машины и свет фар с улицы прервали их разговор.

– Сиди тихо, матросик, – Кроткая напряглась. – Я встречу.

Дверь в горницу резко распахнулась, и, чуть пригнувшись, вошел молодой мужчина. На первый взгляд его сверстник, только чуть пошире в плечах.

– Да, у нас гости! – не здороваясь, рявкнул незнакомец. – Ужинаем?

– Не шуми, Филин, – Кроткая поставила на стол откуда-то извлеченную бутылку водки и жестом пригласила мужчину сесть напротив Аркана. – Выпьем и познакомимся.

– Добрая ты сегодня, – театрально развел руками незванный гость. – Я не слишком рано?

Появившаяся было ухмылка на лице Филина замерла под тяжелым взглядом хозяйки, а затем и вовсе исчезла. Он молча сел на указанный табурет и взял наполненный хозяйкой граненый стакан. Повертел в руке.

– И кто же мы будем, такие белые и пушистые? – острый взгляд Филина уперся в Аркана и надавил. – Племянничек?

Взгляды мужчин пересеклись. Никто не хотел уступать. Оба молча набычились, уставившись друг на друга. Словно наткнувшись на своего заклятого врага, каждый жаждал испепелить противника. Далее произошло нечто странное. Глухой звук удара чем-то тяжелым, и расширенные зрачки на застывшем лице Филина. Он начал медленно валиться влево, таща за собою вышитую скатерть, судорожно зажатую скрюченными пальцами. Посуда медленно поползла за ним к краю стола.

– Чего остолбенел! – гаркнула Кроткая, – подхватывай за ноги.

Она уже держала подмышки обмякшего Филина, не давая упасть. Аркан засуетился, неуклюже вылезая из-за стола и поправляя скатерть.

– Придави его к полу, а я пока руки схвачу чем-нибудь. Сильный, гад, мне одной не одолеть.

Беглый зэк не успел опомниться, как руки и ноги бесчувственного Филина были стянуты кусками бельевой веревки, а концы их закреплены тугими углами. Во рту не подававшего признаки жизни гостя появился солидный кляп.

– Машину водишь? – хозяйка быстро глянула на кивнувшего Аркана. – Он мотор никогда не глушит, брелок от охранки в кармане куртки. Развернись во дворе и сдай задом к крыльцу. Фары погаси и открой багажник.

Через минуту джип «Тойота» уперся задними колесами в крыльцо и затих.

– Подсоби, – Кроткая уже волокла по коридору неподвижное тело Филина к выходу. – Ну, давай же, нюня! Под коленки хватай и в багажник. В углу брезент возьми.

Аркан машинально выполнял распоряжения хозяйки, не в силах противиться ей. Когда тело уложили между каких-то баулов и накрыли куском брезента, Кроткая, резко замахнувшись, ударила монтировкой в то место, где возвышалась голова Филина. Хруст ломающейся кости саданул по нервам так сильно, словно это проломил голову самому зэку.

– Не спрашивай меня ни о чем, матросик, – выдохнула Кроткая. – Так надо. Документы на машину и паспорт в бардачке. Ты, похоже, тот беглый, кого уж неделю ищут. Так что можешь стать на время Виктором Петровичем Филином. Пока не выберешься куда-нибудь подальше. Вы очень похожи, потому тебя и подписала на это дело. Уж не обессудь.

Хозяйка дотронулась до плеча Аркана, словно извиняясь.

– В запаске конверт с баксами. Штук сто будет. Справа под водительским сиденьем должен быть ствол. Филин с ним не расставался. Через поселок ехай медленно, потом направо по грунтовке. Километров сто проедешь, брось тело подальше от дороги. Зверье следов не оставит. Потом еще километров триста и упрешься в Урушу. Там по грунтовке направо. Ночью на дороге никого нет, а этого сразу никто искать не станет.

Хозяйка остановилась, переводя дыхание. Затем продолжила инструкцию.

– К вечеру доберешься до Амуткачи. Не хватит бензина, останови лесовоз. В беде никто не оставит. Только много денег водилам не давай. У Филина бабки всегда были. Найдешь в машине. А там сам решай, что делать. Брось машину и добираться на попутках до Глухарево или через Сергеевский до Ерофей-Палыча. На трассе ты, как вольный ветер. Хошь на Восток, хошь на Запад, хошь в Китай через Мохэ.

Ее голос стал мягче и тише.

– Словом, поезжай на все четыре стороны и все забудь. Я тебя никогда не видела, и ты в мой дом не заходил. Мне от Филина ничего не нужно, лишь бы он исчез из моей жизни.... Прощай, матросик.

Глава IX

Арик резко проснулся от тяжелого сна. Рывком сев на край кровати, он опустил босые ступни на паркет. Ночная прохлада стелилась над гладким, покрытым лаком полом и быстро успокаивала растревоженное сознание. Беглец понемногу начал привыкать к вольной жизни и пустой квартире. Четыре года в душевной, забитой ненавидящими друг друга зэками не торопились отпускать. Такой кусок жизни трудно было выбросить или хотя бы забыть. Зона цепко держала своего бывшего послушника, как секта аскетов, чьи строгие правила выполнялись беспрекословно.

– Парламент ждет! – услышал он внутренний голос Аркадий Михалыча.

Привычная фраза быстро расставила все на свои места. Он вышел на балкон и закурил. Жаль, что теперь некому рассказывать о потеющих лысинах под париками или пародировать хозяина, сидящего в своем кабинете перед испуганными охранниками, словно спикер на мешке с шерстью, и произносящего отнюдь не парламентскую речь. Бывший зэк глубоко затянулся и, медленно выпуская тонкую струйку дыма, мысленно произнес:

– Нужно заниматься делом. Дельфинчик сегодня не подал голос, но это не значит, что нужно только водку трескать.

Можно было начинать «парламентские дебаты» самому с собой. За последние годы эта мысленная игра приобрела определенные формы и позволяла выстраивать четкую цепочку рассуждений, проверяя возможные изъяны логики с помощью критических выпадов воображаемых оппонентов. Особенно едкими бывали высказывания одного воображаемого пэра из Шотландии. Об этом тщедушном и принципиальном человеке зэк немало прочел в свое время.

Джеймс Эванс гордился, тем, что был пэром по избранию, а не, как некоторые, по праву рождения. Чванливые снобы унаследовали право заседать в парламенте еще от Вильгельма Завоевателя. Этот незаконнорожденный герцог Нормандии возомнил себя великим, захватив немощную в XI веке Англию, за что получил прозвище Вильгельм Длинный Меч. Как и его сын – Ричард I Бесстрашный – и внук – Ричард II Добрый, он был лишь потомком скандинавских варваров, повсюду насаждавшим свои порядки.

Само звание «пэр», производное от слова «равный», потеряло, по мнению Эванса, у современных парламентариев всякий смысл. Ранее это относилось к судебной привилегии быть судимым только равными себе, то есть – членами королевской фамилии. Позднее это забылось, и, согласно нормандским законам первый ребенок в семье стал наследовать все: право заседать в парламенте и право собственности. Остальным – ничего. Варварские обычаи чужаков! От самого пэра ничего не зависело, будь он хоть гением, хоть недоумком, хоть женщиной.

Эти дамочки точно также сидят на скамейках палаты лордов, разве что, в шляпках, делая умный вид вершителей судеб. Среди них, конечно, попадаются не только блондинки, но большинство озабочены, в основном, своим имиджем. Поэтому, в угоду дешевой популярности, стали нарушаться старые традиции. Пэры Англии только в присутствии королевы сидят в красных мантиях, а на других дебатах позволяют появляться, как простолюдины. Накрахмаленный ворот сорочки без подобающего галстука становится символом «демократа». Поэтому этим выскочкам всегда доставалось от умницы и энциклопедиста Джеймса Эванса, добившегося в жизни всего только благодаря своему трудолюбию и природному уму.

Именно с ним Арик любил мысленно дискутировать в мнимой палате лордов. Эванс не упускал ни одной малейшей неточности в рассуждениях своего оппонента, а уж явная ошибка приводила к полному разгрому любой, казалось бы, незыблемой идеи. Выиграть спор у педантичного Джеймса было делом непростым. Он умело расставлял ловушки со скользкими аргументами, на которые и попадался противник. Борьба с воображаемым тщедушным пэром из Шотландии научила Аркана тщательно проверять все факты прежде, чем их использовать

в своих умозаключениях. Готовясь к серьезному разговору в виртуальном Вестминстерском дворце, приходилось продумывать и детали одежды. Отсутствие хорошего шелкового галстука, напудренного парика, не говоря уже о красной мантии, непременно оборачивалось полнейшим разгромом в дебатах. И не помогали дерзкие выкрики соратников по партии или топот десятков пар ботинок. Джеймс был мастером риторики и непревзойденным логиком. Так что никого из мнимых собравшихся в тот поздний час парламентариев не удивил молниеносный выпад Эванса на предложение Аркана выработать дальнейший план действий.

– Милорды... – вежливо обратился он и тут же взорвался тирадой, словно выхватил шпагу. – Да, какое вы имеете право, милейший, вообще вторгаться в частную жизнь добропорядочных сограждан. Вас, а не их, суд признал виновным в убийстве. Именно вы отбывали срок, назначенный уважаемым председателем суда... Или выиграло чувство обиды? Мести? Мнимой справедливости? У вас есть факты для пересмотра дела?

Эванс бил в самую точку сомнений. И бил успешно.

– Галлюцинации в тюрьме, где тяжелое психическое состояние заключенных часто приводит к нервным расстройствам, не может рассматриваться присяжными в качестве хоть каких-то фактов ни в каком суде мира. Даже в вашей замечательной стране... Увольте!

Джеймс красноречиво негодовал, вызывая к логике.

– Единственное, на что следует обратить внимание, так это подумать о встрече с бывшим тренером безвременно покинувшей сей мир Светланы... Я правильно произношу это славянское имя?

Оратор многозначительно замолчал, акцентирую внимание на своем уважении к несостоявшейся звезде спорта.

– Но. Предварительно нужно узнать, не нанесет ли ваш визит душевную рану женщине. Утверждаю, что быть хорошим тренером – это призвание, а не профессия, милейший. Ведь, как следует из рассказов вашей подопечной, леди Петровой, они были очень дружны с тренером. В спорте, милостивый государь, это бывает крайне редко. Да будет вам известно, что большой спорт был придуман древними греками, как альтернатива войны, но красивые лозунги о честной и открытой спортивной борьбе были замараны уже царедворцами Рима. Они делали все, чтобы в гонках на колесницах всегда побеждал Цезарь. Уловки с подрезанными ремешками, отравлениями лошадей, подпиленными спицами и прочее – можно наблюдать и поныне. Большой спорт это не только большие деньги, это власть над толпой фанатов. Не всякий император в прошлом мог мечтать о такой фанатичной любви во всем мире, как звезды современного футбола или хоккея. Однако, даже их баснословные гонорары ничто по сравнению с прибылью корпораций, производящих спортивную одежду, инвентарь или сувениры. И, да будет вам известно, милейший, рядом с большими деньгами или властью дружба возникает крайне редко. Поэтому ею очень дорожат и относятся крайне трепетно.

В заключении оратор смягчился и позволил себе некий реверанс.

– Хотя, признаю, что доля истины в рассуждениях о возможном присутствии здесь интересов третьей, неизвестной нам, стороны имеет некую вероятность. Но, предупреждаю, осторожность и уважение к чувствам граждан – святая обязанность джентльмена. Как и соблюдение традиций в Парламенте Объединенного Королевства. Я говорю о некоторых его членах, позволяющих являться на заседания без галстука и в вызывающем пиджаке. Даже за десять тысяч фунтов. Здесь не частный клуб, а сердце демократии великой державы! Милорды...

После пылкой речи воображаемого Джеймса Эванса, к мнению которого (со слов самого уважаемого пэра) прислушивалась даже Ее Величество Королева во время своего присутствия в парламенте, бывший зэк взял тайм-аут. Перетереть.

После того, как он покинул мнимый душный зал с париками и мантиями, Арику было приятно закурить любимый «Парламент». Его прохладный дым не стал хуже за последние четыре года, даже после разделения знаменитой Philip Morris. Когда-то, полтора века назад,

начав с небольшой табачной лавки в Лондоне, в которой продавались турецкие сигареты, компания перебралась в Новый Свет и стала называться Philip Morris. Настало время, и ее доход превысил 100 миллиардов долларов в год, а иски со стороны различных защитников здорового образа жизни в США стали существенно мешать бизнесу. Тогда хозяева решили выделить из корпорации подразделение Philip Morris International. Его сориентировали на рынки развивающихся стран, где курильщиков втрое больше, чем население Штатов, а нормы на содержание вредных веществ в сигаретах контролируются вдвое хуже. Конечно, знаменитые марки Marlboro, Parliament и L&M не стали от этого лучше, но сигарет Philip Morris в Европе и Азии стало намного больше.

Арик аккуратно загасил окурок и посмотрел на окружавшие огни спящей столицы. Этот город притягивал к себе миллионы самых амбициозных граждан, строивших свои планы на покорение Третьего Рима. Москва всегда притягивала к себе именно таких потому, что была особым государством в огромной империи, стремившейся к неограниченной власти над миром. И когда-то ей это почти удалось. Теперь все иначе, но амбиции у некоторых прежние.

Он вернулся в комнату и сел за рабочий стол. Удобное вращающееся кресло с высокой спинкой и лампа, выхватывающая из темноты только правильный эллипс слегка потертой столешницы. Почти неделю он живет в этой квартире, но ничего, кроме воспоминаний, не занимает беглого ээка. Даже свою новую игрушку, купленную в супермаркете вместе продуктами и выпивкой, он включал только раз.

Одна из самых мощных моделей ноутбука так и осталась на столе с вертикально открытым экраном после того, как приходил парнишка из коммуникационной компании, подключивший компьютер к Интернету. Он был невысокий, сутулый, с подслеповатым взглядом. Когда настраивал ноутбук, смотрел в монитор почти в упор, упершись грудью о стол и барабаня пальцами по клавиатуре перед своим носом. Типичный админ, подумалось тогда беглому ээку. Такой ничем, кроме компьютеров не интересуется и живет в своем мире. Кстати, может пригодиться, если не будет задавать лишних вопросов.

Зато у Аркадия Михалыча вопросов было много. В отличие от Джеймса Эванса, он мог и пошалить, и заглянуть на какой-нибудь сайт для мужчин, но не забывал о главном. Им нужно было найти тренера Дельфинчика, и поисковые системы Интернета тут были незаменимыми помощниками. Они добросовестно отвечали на все задаваемые вопросы, не утаивая никакой информации. Нужно было только понять, как устроены эти вечные трудяги, и правильно спрашивать. Знаний и опыта, пусть даже и четырехлетней давности, у бывшего ээка было достаточно, чтобы наверстывать упущенное. А главное, у Аркана был такой запас ненависти к обладателю злобных темно-серых глаз, из-за которого он так много потерял в этой жизни, что довелось бы ему лично опрашивать миллионы тех, кто хоть что-то мог знать, не отступил бы.

В огромном количестве спортивных сайтов России, как ни странно, почти не упоминалось о водных лыжах. Понятно, что страна северная, но были же чемпионы мира. Даже футбол и хоккей, как ни странно, проигрывали информационное сражение за привлечение покупателей спортивного инвентаря или одежды. На виртуальных просторах Интернета господствовали сайты коммерческих клубов фитнеса, йоги, бодибилдинга и боевых искусств. Да и там о самом спорте говорилось мало, все предлагали что-то купить или продать. Первое впечатление было такое, что страна занимается только торговлей, да и то, – не своими товарами. Подзабытый английский позволял ориентироваться в спортивных сайтах штатов Австралии и Канады. Там воднолыжный спорт был очень популярен, в Америке им занималось более 70 миллионов человек. Целая промышленность экипировки и катеров, а помимо чемпионатов и кубковых соревнований, множество показательных выступлений и шоу с участием звезд. Разнообразие и отменное качество фото- и видео-материалов профессиональной рекламы говорило о том, что там крутились большие деньги.

Отечественные сайты, посвященные воднолыжному спорту, были намного скромнее и выглядели какими-то самоделками. Покопавшись в архивах интересующего периода, Арик отыскал новости того рокового июля. Летние выпуски газет подробно сообщали о котировках акций, курсах валют, фьючерсах и ценах на нефть. Везде господствовала реклама – на все, что продавалось. Скупые сообщения о спортивных событиях пестрили крупными названиями спонсоров. Известные имена актеров, исполнителей и деятелей культуры упоминались, в основном, рядом с ценами на билеты. Страна захлебывалась свободой торговли всего и вся, забыв, что можно что-то делать и самим. До очередного кризиса еще было немного времени, и каждый норовил урвать побольше.

Наконец, в спортивной газете попала статья о Дубенском чемпионате четырехлетней давности. Корреспондент сообщал о единоборстве двух знаменитых воднолыжниц, далеко оторвавшихся от всех соперниц и ведущих борьбу за высокий титул только между собой. Две Светланы из Московских клубов, одна – постарше, другая – юная восходящая звезда. Имя семнадцатилетней Петровой внезапно стало мелькать среди рекорсменов крупных соревнований воднолыжников России, СНГ и Европы. Она ворвалась во взрослый мир из юношеских чемпионов, обращая на себя пристальное внимание. И быть бы новому рекорду в Дубне, но трагическое событие заставило прервать соревнования. Как-то скомканно и непонятно. Еще в подмосковной газете маленькая заметка, и все. Светкина фотография в траурной рамке. О тренере ни слова.

Арик начал систематизировать скупые данные, записывая в электронные таблицы все, что можно было найти по водным лыжам. Имена, звания, чемпионаты, турниры, кубки, товарищеские встречи и редкие показательные выступления, на которые продавались билеты. Влияние законов бизнеса быстро распространилось и на спорт. Государство прекратило финансирование почти всех клубов, бросив спортсменов на произвол судьбы. Предприимчивые руководители выкручивались, как могли, посылая своих учеников на состязания. Но информации о том периоде было мало.

Чтобы найти хоть что-то о тренере восходящей звезды воднолыжного спорта страны, пришлось искать самые ранние электронные архивы. Курсы валют исправно показывали колебания рубля с точностью до одного дня, количество голосов на политических выборах освещалось очень широко, даже меню на приемах в честь и по поводу громких имен было полным и основательным, а вот спортивная жизнь ограничивалась футболом, хоккеем и ставшим модным дзюдо. Даже большой теннис освещался в прессе отрывочно.

Помогли небольшие сайты фанатов, в которых неизвестные поклонники из глубинки аккуратно все систематизировали, но добраться до них было непросто. Современные поисковые системы давно были заточены на коммерцию и выдавали по запросам адреса только раскрученных сайтов. На помощь подключился Аркадий Михалыч. В шутливой перебранке с Ариком он высказывал дельные советы, и процесс ускорился. Прошлый опыт работы помог ему ориентироваться в катастрофически возросшем объеме информации. Программисты народ очень логичный и потому предсказуемый. Зная основные принципы, заложенные еще отцами-прародителями современных протоколов и правил, можно было быстро понимать суть всего нового и умело эти добром пользоваться. Некоторые данные по чемпионатам и чемпионам были собраны и с зарубежных сайтов, посвященных воднолыжному спорту. Хотя американцами и канадцами превозносились достижения только своих спортсменов, все же общую статистику они вели исправно.

Аркадий Михалыч потирал от удовольствия руки всякий раз, когда отыскивалось что-то о Светкиных достижениях. Вдвоем с беглым эком они стали отмечать, как долго держались рекорды, поставленные Петровой. Однако, когда ее фамилия из юношеских сводок быстро перескочила в сообщения с чемпионатов и кубков взрослых спортсменов, все упоминания о «восходящей русской звезде» оборвались. Если бы Арик не помнил Светкино лицо, то спо-

койно мог бы нарисовать образ суровой молодой женщины с накачанными мышцами, на которых красуются мистические наколки. Такими фото пестрили сообщения о последующих турнирах воднолыжников. И не только в таких традиционных странах, как США, Канада, Франция и Австралия. Появился вездесущий Китай.

К утру собранная информация позволила выстроить картину развития воднолыжного спорта в стране. Дубненская школа за счет широких международных связей института ядерных исследований с мировым именем и хорошим финансированием от спорткомитета быстро вышла в лидеры нашей страны. С ней соперничали две столичные школы – России и Белоруссии. Ученики этих коллективов боролись сначала за грамоты, а позже за призовые, которые на различных соревнованиях год от года становились все серьезнее. Шесть лет назад действительно вспыхнула звездочка нашего воднолыжного спорта, обещавшая приносить самые высокие титулы своему клубу. Рядом с ней значилось имя тренера Галины Георгиевны. Редкие фотографии учителя и ученицы говорили о самых теплых отношениях между ними.

Аркадий Михалыч даже стал подкалывать Арика, не собирается ли тот податься в ученики. А что, хорошая карьера для амбициозного ныряльщика. Это тебе не хакером быть, а чемпионом. Вон, смотри, какие кадры воспитывались. Помимо Светки, у Галины Георгиевны было еще три чемпионки. Все девчонки, как на подбор, – кровь с молоком. Даже на не очень качественных фото характер у всех налицо. Похоже, тщательно отбирал их тренер, с прицелом. На единственном групповом снимке юных чемпионки и тренера видно, что у всех разница в два-три года. Хороший задел на перспективу.

Аркадий Михалыч тут же вспомнил, как прорвались наши теннисистки в конце девяностых на мировой уровень. Курникова, Мыскина, Шарапова, Сафина, Дементьева, Звонарева... Похоже, Галина Георгиевна тоже готовила подобную «бомбу» только в воднолыжном спорте. Однако в один прекрасный момент все оборвалось. Чемпионки ушли из Дубненского клуба в Московский, а имя Светкиного тренера в Дубне более не упоминалось. Словно отрезало.

– Может, уехала за границу? – предположил голос Аркадия Михалыча. – Некоторые мастера получили возможность зарабатывать хорошие деньги и покинули страну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.